

Оберег на Любовь

том 2

Крина Лукницкая

Ирина Лукницкая

Оберег на любовь. Том 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18474405
Оберег на любовь. Том 2: Э.РА; Москва; 2015
ISBN 978-5-000391-79-2

Аннотация

«На следующей неделе мы действительно покинули родной город и улетели в Хакасию.

Накануне нашего отъезда страна получила настоящий удар под дых – умер Владимир Высоцкий. Никто не хотел мириться с трагической вестью. В шоке были родные, соседи, знакомые и незнакомые люди. Равнодушных не было... Обсуждали, жалели, мучили себя вопросами. Как же это могло случиться? Так внезапно, на самом взлете! Какой мужик! Красавец, молодой, талантливый, полный сил. Почему всегда самых лучших забирают? Где справедливость?..»

Содержание

Часть вторая. Письма в оба конца	5
Глава 1. Турбаза Хакасские зори	5
Глава 2. Высшая сила	32
Глава 3. «Эпохондрия»	60
Глава 4. Экскурсия	87
Глава 5. Синдром заканчивающихся каникул	110
Глава 6. Славная осень...	137
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Ирина Лукницкая

Оберег на любовь. Том 2

© Лукницкая И. 2015

* * *

*Моим дорогим родителям, которые неразлучны
вот уже более пятидесяти лет, посвящаю...*

Часть вторая. Письма в оба конца

Глава 1. Турбаза Хакасские зори

На следующей неделе мы действительно покинули родной город и улетели в Хакасию.

Накануне нашего отъезда страна получила настоящий удар под дых – умер Владимир Высоцкий. Никто не хотел мириться с трагической вестью. В шоке были родные, соседи, знакомые и незнакомые люди. Равнодушных не было... Обсуждали, жалели, мучили себя вопросами. Как же это могло случиться? Так внезапно, на самом взлете! Какой мужик! Красавец, молодой, талантливый, полный сил. Почему всегда самых лучших забирают? Где справедливость?!

Я валялась на диване растрепанным соломенным чучелом, тупо уставившись в экран телевизора. Транслировали олимпиаду, но глазеть на жизнерадостного ушастого мишку, олимпийского талисмана, вникать в борьбу за медали не было ни сил, ни желания. Пестрые заставки, яркие флаги сборных, нарядная форма участников команд, преувеличенно радостные голоса комментаторов, эталонные тела атлетов – весь этот цветной праздник жизни никак не вязался с моим сумрачным настроением. «Сегодня никуда от спорта не уйти, от спорта нет спасения...» – нарочито бодро несло из

телевизора. Я затыкала уши подушкой, но спасенья действительно не было. Те же бодрые слова гремели из динамика на кухне. Я без конца прокручивала в голове все беды последних дней: внезапный отъезд из Кувшинки, горькую разлуку с Алексеем и страшную гибель Гены. Вот и Высоцкий ушел. И не услышать больше вживую неповторимого хриплого голоса. И не появится больше его новых ролей и песен.

Соленые слезы застилали глаза, но не могли затмить яркой картины. Прекрасное рассветное утро. Мы вдвоем на песчаном берегу, окрыленные любовью, парим в танце под аккомпанемент песни, сочиненной специально для нас. Я прижимаюсь щекой к Лешинной груди, слышу вибрирующий голос и стук его сердца. Внушительная мужская рука ласково и почти невесомо скользит по моим волосам, другая – обвивает талию. Мы поем в унисон, потому что эта песня наша. И она о том, как сильно я люблю, как любима, и как прекрасна жизнь.

Сонька ко времени нашего отъезда давно уже умотала на дачу, поэтому некому было излить душу. Мама с папой не в счет. Мне легче помереть с тоски, чем навязывать им свои переживания. Родители мои – ребята, конечно, замечательные. Они бы все поняли правильно, но они в отпуске. Пусть отдыхают.

Пока я страдала, предки по очереди заглядывали в комнату и пытались меня растормошить:

– Поленька, я борща наварила. Красного, как ты любишь.

Вставай, детка, надо покушать, – мама всячески старалась меня вытащить хотя бы на кухню.

Мне не хотелось есть. Мне вообще ничего не хотелось!

– А где твоя спортивная сумка, дочь? Пора собираться. Завтра в пять утра вылетаем, – пытался поднять меня с кровати папа.

Потом они озабоченно переговаривались за дверью:

– Смотри-ка, отец, как ребенок хандрит. Ведь больше нашего переживает, – удивлялась мама. – Мне почему-то казалось, Высоцкий – не их время. Я думала, его песни как-то ближе нашему поколению.

И тут папа изрек сакраментальный и долгосрочный прогноз и оказался прав на сто процентов и на сто лет вперед:

– Нет, дорогая, ты не права. Владимир Высоцкий – человек вне времени. Он сам – время, в котором мы жили, живем и будем жить. И дети наши будут жить. А возможно, и внуки... Помнишь строки, которые Володя на смерть Василия Шукшина сочинил: «Смерть самых лучших намечает, и дергает по одному!»? Ведь как сильно сказано! Будто он и о своем скором уходе наперед знал... А Полина... Славная у нас дочка растет. Уж точно, не пустышка.

«Надо будет спросить у Светки Поповой, не знает ли она случайно это стихотворение-реквием. Если даже моя одноклассница его ни разу не слышала, то уж ее старшая сестра – всезнайка Ольга – наверняка читала. А возможно, даже знает наизусть. Недаром же Олю всю жизнь – раньше в школе,

а теперь вот и в институте – все кличут книжной молью», – вспомнив о сестрах Поповых, я чуть-чуть оживилась, и на душе стало уже не так пресно, как прежде.

Обычно так оно и бывает: как только начинаешь что-либо планировать, пусть даже самую мелочь, тут же возникает здоровое желание встать и заняться делом. Только, пожалуй, до стиха я доберусь еще не скоро, ведь сестры уехали отдыхать в Прибалтику: у них там какие-то дальние родственники объявились. Ну и ладно... Я тоже уеду. В конце концов, у меня впереди еще целый месяц законных каникул! «Буду собираться», – решила я и пошла за сумкой.

...В самолете я испытала новое чувство. Уткнувшись носом в стекло, я с любопытством разглядывала землю, бескрайнюю и необыкновенно притягательную. Где-то там, среди лесов, степей и гор затерялись россыпи деревенок, поселков, городишек и больших городов с правильными квадратами многоэтажных кварталов. Когда поднялись выше облаков, некоторые обитаемые объекты вообще превратились в крошечные точки на бескрайней зеленой карте. А между тем это были населенные пункты с большим или малым народонаселением. Только сверху не разглядеть! Но я-то знала, там по земле бродят человечки, и у каждого своя жизнь. Свои печали, радости, проблемы. Ну, живут же как-то! И мир не переворачивается. Отсюда, с высоты, как раз видно, что мир, как никогда, стабилен и бесконечно многообразен.

Рядом сопела Ирка, уютно посапывая и улыбаясь во сне. Накануне сестренка все просилась к окошечку, доставая всех своим нытьем, но, не успели мы взлететь, как она тут же и отключилась: намучился ребенок в длинных очередях аэропорта. Родители о чем-то тихонько переговаривались и беззаботно смеялись. По их сияющим лицам и приподнято-игривому настроению любой сторонний человек безошибочно бы определил: «Люди всей семьей наконец-то выбрались в отпуск. Счастливики...». Я улыбнулась своим мыслям, и вдруг до меня дошло: «Горечь-то ушла. Я пережила! И я живая». Мне стало уже почти хорошо.

Турбаза с поэтическим названием «Хакасские зори» раскинулась на самом берегу Енисея. К великому моему разочарованию, отдыхающие проживали не в палатках, а в компактных летних домиках. На костре тоже не готовили. Еду брали в «столовке». Ходить за положенными порциями в одно и то же время, строго по расписанию со специальной трехэтажной конструкцией, состоящей из разнокалиберных алюминиевых кастрюлек, стало нашей с сестрой почетной обязанностью. Обратно шли чинно, чтобы не расплескать да не растрясти щи, второе и компот; запах вкусного обеда щекотал нос, и в нас просыпался зверский аппетит. Сразу сажались за стол, пока не остыло. Обедали всегда на улице. Вернее, не на улице, а на крошечной терраске, одновременно выполняющей роль крылечка пред нашим жилищем. Потом

Ирку укладывали спать, а я заваливалась рядом под предлогом того, что надо почитать сестре книжку на сон грядущий. Вырубалась, как правило, раньше ребенка. Режим дня соблюдался неукоснительно.

Вот такой детский сад!

И все же, дух романтики на базе присутствовал. Исключительно благодаря первозданной природе. Фиолетово-синяя дымка окутывала горы в любую погоду. Воздух, напоенный еловой хвоей, можно было просто пить. Вода в реке бурлила и манила своей хрустальной чистотой – ее тоже можно было пить, зачерпывая, ковшиком сложив ладошки. Однако в Енисее никто не купался: отдыхающие барахтались неподалеку в мутноватой протоке со склизкими берегами. Отведенное для купания место на схеме турбазы было отмечено условными зонтиками и называлось «пляж «Кораблик»».

Я издалека, осторожно пыталась подбить отца на купание в Енисее.

– Пап, скажи, вода здесь необыкновенная? Где еще хариусов увидишь невооруженным глазом. А цвет – ты заметил? Настоящая бирюза. Это преступление – быть на Енисее и не искупаться. Давай окунемся. Ну, хоть по разочку?

– Нет, Полина. Нельзя. Температура не превышает восьми градусов. Ты что, не видишь? Ни один сумасшедший в реку носа не сует! Мы же не моржи с тобой, чтобы нырять в ледяную воду. Ангину тебе заработать? И потом, ты же не хочешь, чтобы я снова о ревматизме своем вспомнил?

Я не хотела. Пришлось оставить бесплотные попытки по-двинуть отца к закаливанию.

По вечерам накатывала тихая истомная грусть. Родители отправлялись на прогулку; Ира, как хвостик, прицеплялась за ними. Меня звали всякий раз, но я любыми путями выкручивалась, ссылаясь то на головную боль, то на усталость, то на лень. На самом деле мне непременно нужно было остаться одной.

– Поль, пойдем на берег. Там интересно. Молодежи много. Познакомишься с кем-нибудь, а то сидишь, как сыч. Костер, подвижные игры, волейбол, песни под гитару, – соблазняла меня мама местными забавами.

– Действительно, сколько можно на крыльце торчать? Двигаться нужно, а то мышцы атрофируются, форму потеряешь, – беспокоился папа. – Не хочешь с нами – сама себе пробежки организуй. Можно даже два раза, с утра и вечером.

– Пап, я с завтрашнего дня начну, – обещала я всякий раз. Но с утра надо было идти за завтраком. А по вечерам у меня теперь появилось дело необычайной важности.

Как только родные выдвигались на променады, я вытаскивала блокнот, конверт, шариковую ручку, и писала письмо Алексею. Подробно рассказывала обо всем: о погоде, о своем ежедневном, довольно примитивном времяпровождении, делилась восторженными впечатлениями от природы и откровенно признавалась, что горы действуют на ме-

ня удивительным образом. Красота нагоняет на меня тоску по нему, по Леше. Вторая половина моего сочинения посвящалась чувствам, воспоминаниям и клятвам не забывать. Потом письмо запечатывалось и, естественно, никуда не отправлялось, поскольку координаты адресата отсутствовали. Конверты складировались в блокнот. За пять дней поднакопилась солидная пачка, поскольку письма выходили довольно пухлыми. В какой-то момент мне стало скучно. Писать, не получая ответа, это все равно, что забивать голы в собственные ворота. И я придумала, как разнообразить свои занятия – надо написать самой себе ответ от Алексея. Только для пущей подлинности хорошо бы почерк изменить. Например, наклон сделать в другую сторону. Я потренировалась на блокноте, основательно почиркав обложку, избрав для эксперимента почему-то слово «аплодисменты». С подделкой почерка получилось, в общем, неплохо: буквально с первого раза. Жаль, в наличии оказалась лишь одна ручка с единственным стержнем, при том – заправленным красными чернилами. Вовсе непопулярный цвет для эпистолярного жанра. Но где же взять гусиные перья и чернильницу? Пришлось довольствоваться тем, что оказалось под рукой. И переписка обеих сторон состоялась в необычном красном цвете.

Поначалу задача показалась не такой уж простой. Кто знает, как бы ответил Алексей, ведь мне никогда не доводилось читать его писем. Но стоило напрячь воображение, и доро-

гой образ практически материализовался. Я как бы стала вести диалог с воображаемым Лешей. И тогда у меня стало получаться:

«Полина, здравствуй. Безумно рад, что получил твое письмо. Прости, малыш, что не написал первым. Закрутился с этим переездом. Но ты не думай, я ни на миг не забывал о тебе. На крыльях прилетел бы к тебе, в твою чудесную Хакасию. Ты так заманчиво описываешь горы и местную природу. Уж мы бы с тобой помотались! И по тайге, и по воде. Но придется тебе отдыхать на всю катушку и наслаждаться местными красотами как-нибудь без меня. Так надо, милая. Только умоляю тебя, моя девочка, не заплывай далеко, не перегревайся и не перекупывайся. Ведь сгореть на жарком солнце, ныряя в ледяную воду – пара пустяков. А на крем надежда, как на ёжа. Ведь у тебя такая нежная кожа. Видишь, опять в рифму. Ты же помнишь, как моментально стерла свои маленькие ручки? Сколько бы я сейчас отдал, чтобы еще раз поцеловать их...».

В общем, дело пошло. И сразу вся моя предыдущая писанина в один конец, сложенная толстой кипой в блокнот, обрела смысл.

Дальше, естественно, большая часть ответного письма посвящалась объяснению Лешаи мне в любви. Собственно, я ничего не знала о его нынешнем житье-бытье, поэтому, чуть ли не «во-первых строках», «Алексей» срывался на признания. В принципе, мой мнимый друг по переписке излагал

только те приятные вещи, которые мне самой хотелось перечитывать снова и снова. Выходило очень удобно.

Увлечшись сочинительством, я чуть не попала. Я уже заканчивала послание от любимого, когда на крыльце затопали детские сандалии. Пробы пера пришлось прервать. Едва я успела запихнуть исписанные листочки в блокнот и накрыть секретные материалы журналом «Вокруг света», как передо мной предстала запыхавшаяся сестренка.

– Что делаешь? – громко спросила она, а любопытные глазенки шарили по столу.

Тоже мне, Штирлиц.

– Чего кричишь? Не видишь, журнал читаю.

– Меня папа прислал. Идем скорее. На берегу уж весь народ собрался. Папа сказал, тебе будет интересно.

– А что за мероприятие? Бег в мешках, прыжки в сторону или какие другие игрища?

– Ну, Полина... Всегда ты что попало говоришь. На поляне уже костер до облаков. Все гуляют. А потом! Потом песни Высоцкого будут петь. Вот! – взახлеб оглашала программу вечера сестра.

Я вскочила со стула. Как же я забыла? Перед глазами возник плакат, намалеванный на ватмане алой гуашью и прищипленный кнопками на дверь столовки: «Внимание! В субботу в 21:00 на Большой Поляне состоится вечер ПАМЯТИ В. С. Высоцкого. Приглашаются все желающие». Точно! Сегодня же суббота.

– Ира. Подожди. Две минутки, и я готова.

Я заметалась по домику, одновременно переодеваясь, переобуваясь и причесываясь. Кажется, в джинсах и босоножках будет вполне уместно. Раз мероприятие проходит у костра, возможно, придется сидеть на траве, а посему джинсы будут кстати. Ну, а босоножки – поскольку, все-таки, мероприятие вечернее. И вообще, куда ж их еще надевать, если не на концерт?! Да и мама будет рада, а то в последнее время ее раздражают мои вечные кроссовки. Я нарядилась...

Новые туфли с лаковыми ремешками и изящными пряжечками на высокой пробковой платформе. Новый, муха не сидела, тонкий темно-серый шерстяной свитерок а ля «Лапша», который залежался на дне сумки. Вот и пригодился. Все-таки вечерами у воды довольно прохладно. Стеклообразные бусики с радужными гранями я сначала было одела, но потом подумала, что на концерт памяти не стоит сильно выпендриваться, и без сожаления их сняла. Осталось сбрызнуть себя маминым Сигнатором с запахом болгарской розы, мандарина и мускатного ореха – и я готова. За компанию я и Ире мазнула за ушком. Большого зеркала не было, но с высоты платформы я ощутила, насколько стала выше. «Должно быть, выгляжу стройной и неотразимой», – премного довольная собой, нескромно предположила я и, взяв за руку сестру, поспешила на мероприятие. Мы бодро зашагали к цели, оставляя за собой тонкий шлейф маминых духов.

Костер и вправду уже разгорелся «до облаков». Ира правильно выразилась, здесь, у подножья гор, не всегда поймешь, то ли это облако, то ли туман. У нас в спортивном лагере такой гигантский костер устраивали только на закрытие сезона: для этого предварительно сооружали высоченный шалаш из лесин, потом обливали его бензином, поджигали и... к небу взметался огнище, наверное, повыше телеграфного столба!

Мы с трудом пробивались к родителям, лавируя между зрителями, расположившимися на площадке бессистемно: кто стоял, кто сидел, а кто-то даже влез на дерево. Народу была уйма. Я и не предполагала, что у нас на базе столько отдыхающих. Мама с папой оказались в числе счастливиц, которые успели занять местечко «под солнцем». Однако на длинную скамейку набилось невероятное количество желающих. Казалось, будто лавка была резиновой. Везунчики наглядно демонстрировали суть понятия «сельди в бочке». Хорошо Ирке. Она прыг к папе на колени, и устроилась там кум королем. А мне куда деваться? Ну, не кидаться же к маме на колени. Я растерянно озиралась по сторонам.

– Эй! Идите к нам! Девушка в сером свитерке. Это я вам, вам говорю.

– Мне?!

Я удивленно окинула взглядом группку молодежи, которая устроилась на траве в десяти метрах от огня. Крупная девица, ростом выше меня, наверное, на пару голов, звонко

похлопала рядом с собой по надувному матрасу.

– Да. Вам, вам. Идите. У нас места еще полно.

Я махнула святому семейству и решительно направилась к костру.

– Спасибо большое, – смущенно поблагодарила я незнакомку, польщенная столь неожиданным приглашением.

– Да ладно. Садись, не маячь, – резко перешла на «ты» девушка и протянула мне руку. – Я – Алена. А ты?

– Я – Полина.

– А... Я давно уже вашу семейку заметила. Дружные вы. И отец, видно, непьющий. Только по вечерам ты никогда с ними не гуляешь почему-то. Может, у тебя и парень здесь есть? Сознаться, где ты его прячешь? – хитро прищурившись, довольно бесцеремонно пыталась меня девица.

– Нет. То есть, здесь нет, – поправила я, не понимая еще, как вести себя с новой знакомой.

– А мой парень вон сидит. Видишь, надулся. Сам-то из Красноярска. А я из Назарова. Эй, Кость, слышь, познакомься – это Полина.

Костя, вполне улыбчивый парень, по росту явно под стать Алене, протянул мне свою длиннющую руку с другого конца матраса, дугой огибая парочку молодых людей. Я не заметила в нем никакой надутости.

– А почему вы сели порознь? – я задала тоже не вполне корректный для первых минут знакомства вопрос.

Мне показалось, что в этой компании принято обращать-

ся друг с другом без особых церемоний, и даже чуть-чуть развязно.

– Мы поссорились. Если ты сейчас скажешь, что не знаешь города Назарова, я тоже с тобой поссорюсь!

Ведет себя, прямо как маленькая разбойница из сказки о Снежной королеве. Вот только с ростом явный перебор. Пожалуй, крупная напористая Алена больше тянет на громогласную атаманшу, предводительницу шайки разбойников. Как ни странно, я очень хорошо знала о существовании города Назарово. Что-то удивительно приятное и нежное сразу промелькнуло в сознании. Я даже облизнулась. На знакомой сине-белой этикетке, которая окутывает жестяную банку с тягучим сливочным содержимым, всегда мелким шрифтом подписано: «Произведено: Назаровский молочный комбинат, Красноярский край. Город Назарово».

– Как это не знаю! У нас в стране почти вся сгущенка «made in Назарово». Ваша самая вкусная. Факт! Твой Костик, он что – сгущенки не ест?

– Умница. Знаешь! – восхитилась Алена. – Ест. Но дело не в этом. Костя не считает мой город городом. Он говорит: «Твой городишко так – большая деревня». А мне обидно...

– Плюнь. Ерунда все это. Главное, что ты любишь родину и в обиду никому не дашь, – убеждала я Алenu.

– Вижу, Полина, ты нормальная девчонка. А я все со стороны гляжу-гляжу и думаю: «Откуда такая божья коровка? Вот-вот «То березка, то рябинка запоеет...». Ошиблась...

Пойдешь с нами гулять после концерта? – тоном, не терпящим возражения, приглашала меня атаманша.

– Ленка, кончай базар. Уже начинается, – шикнули на нас ребята.

Я не успела ответить, потому что вокруг захлопали.

...Думаю, организаторы вечера заранее программу не готовили. На сцене царила полная импровизация. Желаящих прочесть стих или пропеть песню Высоцкого нашлось – хоть отбавляй. На наспех сколоченные подмости по одному взбирались самодеятельные артисты. В основном, это были парни со своими гитарами. Исполнитель сообщал ведущему на ушко свое имя и название произведения, и тот в микрофон объявлял публике предстоящий номер. На подступе к сцене уже выстроилась очередь из желающих блеснуть талантом. Солисты отчаянно хрипели, пытаясь подражать певцу, а некоторые песни повторялись. К примеру «Кука» спели аж три раза, а «Гимнастику» – два. Но в целом, все было очень здорово. Зрители тепло приветствовали каждого выступавшего. Зал под открытым небом замирал, слушая знакомый до боли хит, и потом дружно рукоплескал. В ожидании следующего номера все умолкало, и лишь отдельные хлопки раздавались в тишине. Это народ шлепал распоясавшихся на закате самок комаров. Многие исполнители отказались от микрофона; он и вправду почти никому не пригодился: акустика здесь, у реки, у подножья гор, была потря-

сающей. Когда публика кричала «браво!», раскаты эха, как салют, долго сотрясали горы. Мне кажется, собравшиеся на поляне понимали, что сейчас здесь происходит: воодушевление, царящее на сцене, очередь из желающих выступить, овации зрителей и даже ответная реакция гор – все это глубокая дань памяти любимому артисту.

Под конец вечера меня сильно тронула одна исполнительница. После плеяды чтецов, певцов и музыкантов исключительно мужского пола, вдруг на подмостки вспорхнула девушка лет двадцати пяти, совершенно обычной внешности. Скорее, даже невзрачная. Худенькие плечи, жидкая косичка, выпуклые очки, никаких концертных нарядов – длинная трикотажная юбка и простая вязаная кофточка на пуговках. И голос-то не ахти какой сильный. Но спела без аккомпанемента так классно, что все заслушались. Пела она не о войне, не о горах, не о спорте, а о любви и разлуке. Девушка не старалась подражать парижанке, но проникновенное и женственное исполнение, пожалуй, слегка роднило ее с красавицей Мариной Влади. У выступавшей, несомненно, было музыкальное и поэтическое чутье и большой талант драматической актрисы. А песня была такая:

*– Я несла свою беду
По весеннему по льду.
Надломился лед,
Душа оборвалась...*

Она пела сердцем, видно, переживая свое. А я каждой порой вбирала каждое слово. До чего мне близка эта тема! Щеки запылали, и в груди стало горячо-горячо, словно близким пламенем огня опалило лицо, и жар достал до гулко скачущего, как красная конница, сердца. Костер трещал, искры отскакивали в разные стороны, долетая до зрителей. В этом свете рыжего зарева пела девушка. Не просто пела – страдала! Заламывала руки, в смятении трогала свой лоб, содрогалась от тяжелых придыханий, больше похожих на беззвучные рыдания, и... задевала самые тонкие струны девичьих и женских душ, волею случая попавших на концерт.

– Тоже, видать, натерпелась дивчина от мужиков, – шепнула мне Алена, смахивая слезу, – и проворчала по-бабьи: – Я всегда говорила, от них одни только беды.

Публика долго не могла уgomониться. Я тоже отбила себе все ладошки, аплодируя стоя, вместе со всеми. В зрачках зрителей отражались благодарность и язычки пламени от высокого костра.

Вот о чем напишу Алексею в следующем письме! Прямо сегодня сяду и напишу. По горячим следам. Пока еще глаза увлажнены от хороших песен, пока свежи впечатления от славном вечере. И расскажу, как душевно пели люди под гитару, а им вторили горы, небо, река. Алексею будет интересно. Ведь он романтик, такой же, как и я.

Концерт закончился. Зрители, притихшие и будто ка-

кие-то осиротевшие, стали понемногу рассасываться, и мне удалось без особых помех воссоединиться с родными. Оглянулась, чтобы махнуть на прощание Алене, но не тут-то было. Она звала меня, энергично жестикулируя, а на лице ее я прочла дружеское ободрение: мол, давай, отпрашивайся. Мы подождем.

– Мам, пап, можно я с ребятами немного по территории базы погуляю? – робко спросила я, в волнении теребя нос.

Обычно я так неуверенно себя вела, когда мне надо было срочно вырваться на улицу, а домашнее задание – конь не валялся. Возможно, если бы мои сейчас отказали мне в прощении, я бы только с облегчением вздохнула, поскольку на самом деле никак не могла понять, охота мне проводить время с чужой компанией или нет. Но оба родителя выразили мне свое высочайшее дозволение:

– Конечно, погуляй, дочь. Разомнешься, да воздухом перед сном подышишь, – безоговорочно дал добро папа.

– Я рада за тебя. Наконец, хоть с кем-то познакомилась. Гуляй, только не долго. Часика полтора – и домой. А то я волноваться буду, – разрешила мама, как всегда оговаривая условия.

– Ладно, обещаю. Я недолго.

– Я с Полей буду гулять, – загапризничала Ира.

Она только что очнулась на плече у отца, глядела на мир затуманенным взором и пребывала в отвратительном настроении.

– Ну, детка. Поля уже большая. А тебе давно пора спать, – твердо сказал папа.

– Видишь, ты капризничаешь, и глазки сами закрываются, – мягко уговаривала мама.

– А я все равно пойду! – как осел уперлась сестра, ничего не соображая. – Да... Полечке вашей всегда все можно, а мне – дак никогда... – тянула она обиженно, размазывая слезы по пухлым щекам.

– Ну, начинается... Мам, что она вечно за мной гоняется? Объясни хоть ты ей.

– Поля, ты плохая. Полька, Полька... – Ира силилась придумать обидную рифму и с трудом выдоила: – Полька – Королька.

Да уж, страшнее оскорбления ни в сказке сказать, ни пером описать.

– Ириш, ну, не реви. Вот послушай меня. Я только пройду чуть-чуть и сразу обратно. Если ты еще спать не будешь, я тебе книжку прочитаю. Хочешь?

– «Тимура и Гопкоманду» читаешь, да? – сразу перестала хныкать малышка.

– Можно «Тимура и его команду», – покорно соглашалась я, намеренно четко проговаривая название книги, но с трудом сдерживаясь, чтобы не заржать. Мама с папой тоже давились от смеха.

...Вряд ли ребенок из благополучной семьи мог где-то подцепить жаргонное словечко «гопники». Ира сама выду-

мала гопкоманду, соответственно и все члены тимуровского отряда автоматически переквалифицировались у нее в гопников. Когда я читала ей Гайдара, она могла прервать меня на полуслове и с залихватской удалью спросить: «Поль, а Гопкоманда победит Мишку Квакина? Конечно, наши же сильнее, они всех победят!». Мне не хотелось разочаровать сестренку. Да и как бы я ей объяснила? Что вообще-то гопники – это такие нехорошие молодые люди с криминальными замашками, скорее, как раз похожие на хулигана Мишку Квакина, а вовсе не преданные друзья благородного Тимура? Поэтому я напускала на себя серьезный вид, старательно пряча смеющиеся глаза и улыбку, когда приходилось отвечать на ее несуразные, но дико веселящие меня вопросы...

К слову сказать, с литературой здесь был напряг. Местная библиотека представляла собой шкаф со стеклянными дверцами, где нестройными рядами стояли потертые книжонки, часть из которых отдыхающие забыли по рассеянности, другая же часть была подарена турбазе намеренно и безвозмездно. Книгохранилище я узрела еще в первый день, когда мы прибыли в столовку за обедом. Надпись плакатными перьями «библиотека» на бумажной стрелке указывала конкретно на шкаф. Я обрадовалась. Библиотека без библиотекарши – вот здорово! Можно шарить по полкам сколько душе угодно. Многообещающе пахло старыми обложками и благород-

ной книжной пылью. Однако я быстро разочаровалась. Некоторые книги я уже прочла, а другие мне были не интересны. Основательно порывшись на всех полках, я все же выискала для себя единственную книгу. Прекрасный роман! Как сейчас помню его название: «Жизнь Нины Камышиной», а вот автора, к сожалению, не запомнила. Только знаю, что это была женщина. Но вот Ирке для читки взять было абсолютно нечего. Кроме единственного сборника повестей Гайдара из серии «Школьная библиотека» – других детских книжек в шкафу не нашлось. Рановато, поди, сестре школьную библиотеку? Но я ошиблась. Ира могла слушать повести Гайдара бесконечно...

Эх, как славно было бы сейчас завалиться под теплый бочок к младшей сестренке. Я даже согласна почитать вслух зачитанную до дыр книжку про добрых пионеров, только бы никуда не тащиться. Но поздно. Ко мне твердым шагом уже направлялась бравая Алена. Боже, она оказалась гораздо выше, чем я могла себе представить, пока мы находились в сидячем положении. Каланча старомодно в пояс поклонилась моим родичам и с укором обратилась ко мне:

- Ну, где ты там застряла? Пошли. Наши уже заждались.
- «Командир полка, нос до потолка» – сказала бы Ира.
- Пошли, – беспрекословно подчинилась я.

В начале августа ночи в горах – нечто феерическое. Бесчисленные звезды мерцают на ясном небе. Я еще раньше за-

метила, когда из аэропорта ехали, небо в Хакасии какое-то необычайно высокое. Плавное течение Енисея приковывает взгляд. Ночные ароматы с преобладанием пряного древесного духа и невероятная свежесть заполняют атмосферу и приводят организм в тонус. Спать совершенно не хочется. Состояние – будто только сейчас выпил большую чашку крепкого кофе. В темноте слух всегда работает обостренно, поэтому кажется, что звуки леса становятся осязаемыми. Кузнечики в зарослях багульника, как одержимые, наращивают обороты: можно подставить руку и нащупать это непрерывное мягкое стрекотание. На фоне однородного гула реки вдруг громкий необъяснимый всплеск заставит вздрогнуть, и опять – спокойное величественное перекачивание волн. А ручеек, бегущий поодаль, журчит почти у тебя в ушах. И вот от ночной тишины уже не остается и следа: сплошной кузнечный стрекот и шум воды...

Нас пятеро. Два парня, две девчонки, включая Аленку, и я. Они пары, а я сама по себе. Мы под предводительством Алены без колебаний перемахнули через забор и покинули территорию базы. Долго пробирались какими-то козьими тропами к уединенному местечку, окруженному роскошными валунами; эти грубые серые камни с прожилками кое-где покрылись от влаги малахитовым мхом и причудливыми непонятными субстанциями, не то грибами, не то цветами. В стороне – неглубокий, но широкий ручей. Даже, скорее –

мелкая речушка, которая делала свое дело: увлажняла и так перенасыщенный влагой воздух и шлифовала перламутровые камушки, россыпью лежащие на дне, доводя их до безупречной гладкости и блеска.

Мы уселись на отсыревшее бревно рядком. Алена – опять со мной бок о бок. Она настойчиво пыталась поделиться со мной своей курткой с подстежкой на искусственном меху, будто нанялась мне в опекуниши. Я не нуждалась ни в чьей опеке. Я крутила головой по сторонам, как сова. Мне было настолько интересно здесь, что комфорт казался вещью вторичной.

Все в округе виделось таинственным и непредсказуемым. Контуры предметов: деревьев, кустов, камней, нагроможденных друг на друга – постепенно расплывались. Плотное сизое марево стремительно поглощало каждый объект, и в мозги от этой зыбкости лезла всякая чушь. То мерещилась голова собаки Баскервилей с пустыми глазницами. То клещи какого-то ракообразного существа. Нет, пожалуй, это скрюченные костлявые пальцы Кащея Бессмертного тянутся, чтобы сцапать меня за шиворот. То в валунах мне чудились бюсты умерших известных личностей с огромными плешивыми головами. Образы додумывались сами собой. Мистическое место навевало стойкое ощущение, будто в той стороне, где расположился черный массив мохнатого ельника, кто-то есть. Может, это снежный человек наблюдает за нами исподтишка?

Алена, заметив мое восторженно-пришибленное состояние, спросила:

– Хорошо, что я тебя сюда притащила, правда? Не страшно тебе?

– Есть немножко, – честно созналась я. – Но я тебе очень благодарна. Здесь на самом деле очень интересно.

– Давай подстежку свою дам?

– Не надо, Алён...

– А может, все-таки возьмешь? Она хоть и на рыбьем меху, но мало-мало греет.

– Не надо, мне не холодно, – упорно отказывалась я, поступая довольно опрометчиво, поскольку становилось совсем свежо.

Я бы сказала, даже чересчур свежо для августа! Холод нахально пробирался под тонкий свитер. Может, эти ребята догадаются хоть костер соорудить?

Алена, будто услышав меня, распорядилась на счет розжига. Ура, сейчас наступит благодать! Только исполнять ее команды теперь было особо не кому. В подчинении у нее остался один Костик. Парочка, с которой меня пока никто не познакомил, откололась от нашего небольшого, в общем, коллектива, и канула в темноту. Покидая площадку, парень на миг впился в меня дерзким взглядом, а подружка потянула его за собой. Я успела заметить, что он по-хозяйски положил руку на плечо девушки. Дружить пошли. Счастливые...

Я заметила, что друзья почему-то называют Алёну Ленкой. Не удержавшись, я спросила:

– Можно узнать, почему все зовут тебя Леной.

– А дураки потому что, – был простой ответ девушки. – Веришь? Бесплезно их перевоспитывать.

– Брось, Ленк, выпендриваться. Ты же Елена по паспорту, – дружелюбно сказал Костян и пояснил: – Она же у нас не может, как все. Самопроизвольно себе новое имя назначила и теперь всех нас мучает. За каждым шагом поправляет. А нам как быть? Мы-то за столько лет уж к Ленке привыкли.

Я припомнила Сонину привычку всех и вся поправлять и подумала: «А ведь есть что-то общее между двумя деятельными особами. Во всяком случае, обе обожают командовать нами, простыми людьми». При воспоминании о подруге в груди сразу потеплело.

– А мне нравится. Мне кажется, ей действительно больше Алёна подходит, – осмелилась я возразить Косте.

У меня в голове уже сложился свой образ девушки в сочетании с именем, и менять его я вовсе не собиралась. У яркой чернобровой казачки, кровь с молоком, непременно должно быть яркое имя. А что Лёна? Довольно-таки распространённое, я бы даже сказала – избитое имя. К примеру, в нашем классе аж четыре Лёны!

– Алёна, так Алёна, Спорить ещё с вами, осподя... – устало вздохнул Костя.

Видно, понял, перечить девчонкам, которые только что

спелись, – дело пустое.

– Ну вот. Не зря я шкурой почувствовала, Полина – наш человек. Ты не грусти, Поль, мы и тебе друга найдем.

– О чем ты, Ален? Я и не думала грустить.

– Ладно, притворяться-то. Думаешь, я не заметила, с какой тоской ты вслед Димке с Динкой глядела? Твой-то где?

Я, кажется, начинала привыкать к Алениной бестактности и, собрав самообладание в кучу, уверенно ответила:

– Мы недавно расстались. Моему парню пришлось уехать.

– Понятно... Попользовался и бросил. Все они такие.

Ну, уж нет! Никогда я не чувствовала себя брошенной.

– Неправда! Он любил меня без ума. И сейчас любит! Вам всем и не снилось, как он меня любит, – не сдержалась я, но быстро опомнилась: мои новые знакомые-то причем? – Простите, пожалуйста. Лучше закроем эту тему.

– Ну, если тебе неприятно... – обиделась Алена.

– Мне больно.

– Я же хотела тебя поддержать.

– Не надо меня держать. Я в отличной форме.

– Как же так? Был зверски влюблен и вдруг оставил, – недоуменно моргала, уставившись куда-то в темноту, искренне соболезнующая мне Алена-Лена.

– Бывает... – задумчиво ответил за меня Костя.

Я, ершась, кольнула его настороженным взглядом: о чем это он?! Что бывает? Что был зверски влюблен? Или что вот так оставил? Хотела, было, дернуться, но бесхитростный и

даже какой-то отеческий взор его проник в меня через еще не до конца огрубевшую оболочку, и я догадалась: Костя тоже меня жалеет. Выходит, свой...

Глава 2. Высшая сила

Конечно же, клятвенное обещание вернуться домой через часик-полтора, а также – не покидать означенную территорию, данное родителям и сестре при расставании, я не сдержала. Разошлись только под утро. Выходит, грош цена моему слову. «Да ладно, – оправдывала я себя, – мне ведь отец давно внушает, что я уже далеко не ребенок, и должна принимать самостоятельные решения. Как скажешь, папочка! Видишь, я уже начала выполнять твои заветы».

Ближе к рассвету я почти освоилась в новой компании, и, в целом, ребята мне понравились. Обычно я стараюсь не торопиться делать скоропалительные выводы при распознавании новых характеров. А тут, поди ж ты, за несколько часов разобралась! Впрочем, мне не надо было сильно напрягаться, все персонажи как на ладони – видно, это романтика ночи способствовала атмосфере коллективного доверия и открытости.

Знакомы они были давно. Алена заправляла друзьями и слыла хозяйкой положения неспроста. Она со смехом мне заявила: «Мне на базе все можно! Я ж ветеран». Так повелось, что мать Алены с наступлением сезона отправлялась в длительную командировку, прихватив с собой дочь – и... до самой осени! В городе она работала рентгенологом при больнице скорой помощи, а здесь официально исполняла обязан-

ности фельдшера. Впрочем, при необходимости могла провести диагностику как квалифицированный доктор, но чаще всего ей приходилось оказывать помощь профессиональной медсестры, поскольку ушибов, заноз, открытых ран, укусов насекомых, вывихов и растяжений связок здесь, в горной местности, было не счесть. По ходу службы на турбазе женщина поправляла здоровье, подорванное на вредной работе, – дыша чистейшим горным воздухом; можно сказать, что те критические дозы облучения, накопленные организмом в клинике, здесь нейтрализовала сама природа. Кстати, мать и дочь проживали там же, в амбулатории, что было очень удобно при круглосуточной работе фельдшерского пункта.

Стаж пребывания на турбазе имелся у всех четверых. К примеру, Костина бабушка каждое лето подрабатывала на кухне. Выпечка на полдник в ее смену была настолько воздушна, что некоторые хозяйки, находящиеся на отдыхе, пробирались в святая святых – за кулисы столовой, чтобы выклянчить у нее рецепт приготовления отменного теста. Бабушка была доброй, охотно делилась секретами со всеми желающими. Больше всего ей удавались фигурные булочки с кунжутом, которые плелись из длинного жгута теста и напоминали замысловатые морские узлы. Костя уверял, что их форма никогда не повторяется, а еще с доброй улыбкой сообщал, что баба Шура свои фирменные изделия любовно называет «финтифлюшками», а он этих самых финтифлюшек может съесть за раз целую гору. По возрасту бабуле уже

давно пора было отдыхать, но из года в год старушку умоляли поработать еще сезон, пели дифирамбы знатной стряпне, и она сдавалась. К внучку-то в Красноярск не больно наездишься. А тут и Костя рядом, и сама сыта, и внучок. «Да, уж. На казенных-то харчах да на бабушкиных пышках, – думала я, поглядывая на Костю, когда тот исповедовался, – экий здоровяк вымахал!». Видно, тут как раз имел место тот редкий случай, когда корм был весь в коня.

Сам Костя производил впечатление очень уравновешенного человека с правильным воспитанием и, на мой взгляд, полностью оправдывал свое имя. Рассудительность, неспешность и стабильность в поведении, в общем, абсолютная *constanta* сквозили в его движениях и в разговоре. Кстати, постоянство он проявлял и в ежегодных приездах сюда. Каждое лето парень неизменно являлся на базу к своей Ленке уже пятый год подряд! И вот, что я заметила: скромного Константина ребята порой слушали больше, чем признанного лидера и авантюристку Алену.

Дима и Дина. Они оказались моими земляками. Любопытная парочка... Дима отличался довольно броской внешностью. Носил длинные лохматые волосы до плеч и расхристанную черную майку с трафаретом Эрнесто Че Гевары, на которого, надо заметить, довольно здорово походил. Глаза бойкие, пронзительные. Движения порывистые и безрассудные. Например, он, не раздумывая, одним прыжком скакнул через ручей, зачерпнув башмаками воды, тогда как осталь-

ные в то время осторожно перебирались по камешкам. У него было прозвище: Муха. Я предположила, что он его заработал на живости своего характера. Она, напротив – вся какая-то правильная, прилизанная. Одежда на ней фирменная, и наряд явно продуман до мелочей. Фиолетовая косынка на шее была в цвет импортных кроссовок, а глазки умело подкрашены лиловыми тенями. Но при этом неприятный бегающий взгляд. Наличие между ними романтических отношений я бы поставила под сомнение. Это тот случай, когда говорят: «Они – не пара». Он был яркий, а она, несмотря на все ухищрения, смотрелась на его фоне бледной мышью. Их, безусловно, что-то связывало, но что именно – я никак не могла понять. Хотя, для какой же надобности они тогда уединялись, как не для романтического свидания под луной? Ведь отсутствовали почти час. Да и сейчас вон сидят в обнимку...

Дима оказался старше других членов компании на два лета и успел окончить один курс Горного института. Он признался, что у него был выбор: «Между прочим, вся наша студенческая группа уже в Крыму, фрукты под южным солнцем собирает. А я здесь, у черта на рогах. Как последний лох, свои бесценные каникулы вам, братва, посвятил. Цените». Но известил он об этом без всякого сожаления.

Его подруга, до сих пор молчавшая в тряпочку, неожиданно резко отреагировала: «Ладно тебе, Муха. Зато вырвался из этого порочного круга. Ну, скажи, что путного в твоём

стройотряде? Сейчас бы Солнцедар распивал со своими друзьями-алкашами да болел с дикого похмелья». О себе Дина не обмолвилась и словом.

Хотя, честно говоря, я тоже особо о себе не распространялась, предпочитая пока впитывать сведения о других.

«Молчи, женщина!» – притворно хмурясь, бросил Димка и по-хозяйски притянул Дину к себе.

Девчонка расцвела, как маков цвет и победно обвела взглядом присутствующих, дескать, сами видите: моя принадлежность этакому завидному жениху неоспорима!

Наблюдать за ними было занятно...

Сразу по возвращению эксцентричной парочки, компания ударилась в общие воспоминания. Надо заметить, что слушать их оказалось для меня занятием увлекательным и новым. Обычно, если сам не был участником событий, то рассказы других быстро надоедают. Сколько раз ловила себя на том, что при просмотре чужих фотографий или слайдов как ни крепишься и ни делаешь вид, что тебе безумно интересно, все равно наступает момент, когда непроизвольно начинаешь зевать. И откровенную скуку уже не скрыть ничем! В этом случае все было с точностью до наоборот: чем больше друзьям припоминалось деталей, тем мне становилось интересней.

– Кость, как мы тебя на берегу забыли, помнишь? Вот номер тогда откололи! – жизнерадостно кричала Алена, расталкивая прикорнувшего, было, парня.

– Ну, – неопределенно мычал смиренный Костя.

Другие сразу оживали, погружаясь в пережитое приключение. Видно, это был тот случай, который представлял особую ценность для истории всей их четверки.

– Да, Костик, устроил ты нам тогда облом, – весело упрекнул друга Димка, подмигивая ему лукавым глазом. – Столько лишних поправок в нашу лоцию внес!

– Что же такого произошло, что вам пришлось все менять? – сгорала я от любопытства, стараясь поставить вопрос как-нибудь обтекаемо, чтобы никто не догадался, что я понятия не имею, что это за лоция такая.

– Лоция – это маршрут путешествия с описанием приметных мест, знаков и берегов. Только перемещение не по суше, а по воде, – охотно объяснил мне Костя, который, похоже, решил взять надо мной шефство.

Видно, по моему глуповатому лицу догадался, что я абсолютный профан в деле подобных экспедиций. А я и вправду – балда! Как сразу-то не догадалась? Лоция, лоцман. Ежу же ясно – что-то связанное с морем.

– А-а-а... Понятно. А вы что, вместе на корабле плавали? – последовал мой очередной бездумный вопрос.

– Нет, ну какой корабль? Мы тогда на катамаранах сплавлялись по Кантигеру. Это приток Енисея. Знаешь, Полина...

Дмитрий, не дав товарищу договорить, жизнерадостно сообщил мне:

– А на будущий год, Полина, мы, между прочим, большой

поход планируем по Подкаменной Тунгуске! – и вдруг отчего-то смутился...

Затем скромно откашлялся в кулак и, уже без прежнего подъема, обратился к Косте:

– Кстати, Костян, как тебе тогда удалось своего отца уломать взять нас с собой? – и, наверное, чтобы я не подумала, что он хвастается, добавил: – Маршрут-то сложный! Ладно, вы с Аленкой, с детства закаленные. Столько троп вместе истоптали. А мы с Динкой – что? Два раза только в горы и ходили...

– Надо же было и вам когда-то начинать. Я и отцу это объяснил. А друзьям его, сплавщикам, вообще не нужно ничего объяснять. Ребята – золото! У них закон: научился сам, научи хорошего человека.

– Нас, вообще-то, тогда с условием взяли: один плот – один несовершеннолетний. Всего четыре плота, – тоже несколько не рисуясь, продолжила Алена и честно призналась: – Думаешь, мы все такие герои? Черта с два! Лично я сперва так мандражировала, что у меня, кажется, даже мозги дрожали! Пороги проходить знаешь, как страшно? А потом еще сидишь, как цуцик, весь с головы до пят мокрый!

– Холодно же! – поежилась я.

Произнесенные моими новыми знакомыми звучные, тяжеловатые слова: Кантигер, Подкаменная Тунгуска – немало впечатлили меня. В суровых таежных названиях мне слышались и нотки далеких северных морей, и завывания колючих

ветров, и грохот бурных горных водопадов. Вода в этих реках, должно быть, леденющая! К каменным берегам не пристать ни за что! А верхушки гор все покрыты нехоженой тайгой. Я слушала друзей и представляла себе сплав как один гремющий бешеный поток в створе бесконечного каменного коридора, и замирала от щекочущего нервы приятного ужаса. Господи, как хорошо сидеть на бревнышке, когда под ногами твердая почва, и рядом теплое плечо Алены!

– Для того стоянки и существуют. Чтобы посушиться да силы восстановить, – терпеливо, словно бестолковой ученице, разъяснял мне законы сплава Костя, судя по всему из них четверых – самый бывалый путешественник.

– Хорошо, если погода стоит. Тогда на костре да на ветру махом все просушишь. А если дождь – беда!

– Тогда дождя, слава Богу, не было, – вставила свое слово Дина и глубоко вздохнула, как видно, испытав запоздалое облегчение.

Я слушала ребят, буквально открыв рот. Все их воспоминания были яркими и в каком-то роде даже уникальными. Например, однажды им посчастливилось увидеть маленького медвежонка на противоположном берегу реки. Они со смехом рассказывали, как здорово тогда испугались, а он их вовсе не испугался и продолжал плюхать лапами по воде. Или вспоминали, как однажды наткнулись в лесу на мертвого человека, правда, при ближайшем рассмотрении оказалось, что бродяга жив, просто пьян вусмерть. С расстрой-

ства, что отстал от товарищей, горе-охотник израсходовал весь неприкосновенный запас огненной воды, рассчитанный, вообще-то, на восемь человек... А то – раз поймали тайменя, правда, небольшого, всего-то с метр... Я так и охнула: «Ничего себе, небольшой!». Но оказывается, таймень иногда достигает и двух метров, а весом может быть больше девяноста килограммов! Костя по поводу исключительности обитателя таежных рек даже поведал мне то ли местную легенду, то ли сказку, хотя бил себя в грудь, утверждая, что это чистейшая правда. Будто однажды кочевники поймали гигантского тайменя, вмерзшего в лед. Еды у них не было, они просто отрубали куски мерзлого мяса – так и выжили холодной зимой. А весной, когда растаял лед, рыба уплыла, как ни чем не бывало. Такими вот сверхъестественными способностями романтичный Костик наделил свою рыбу, свято веря в чудеса. Дальше, с подковырками и хохотом, вся компания вспоминала совершенно, на мой взгляд, издевательский обряд: «посвящение в туристы», через который им всем пришлось пройти. Суть испытания сводилась к тому, что надо было через силу проглотить отвратительное месиво, состоящее из первого, второго и третьего блюда одновременно, и еще вылизать дочиста миски. Оказывается, настоящий турист должен быть всеядным и не может тратить время на праздное мытье посуды...

В общем, каждому из них уже было, что вспомнить на старости лет.

Алена давно пыталась завладеть моим вниманием:

– Полин, Полин, щас мы тебе хохму одну расскажем! – И нетерпеливо теребила друзей: – А помните, пацаны? Когда в Саяны-то ходили, в долину Камней?

– А... Ты про этого кадра, – улыбнулся Костя.

– Про него, про него, родимого... С нами, Полина, тогда проводник был чудной. Небритый, потасканный, но образованный – страсть! В прошлом он, оказывается, был научным работником, а потом влюбился в горы и стал местным знатоком народного фольклора и эпоса. Вот и помешался на небылицах. У него на каждое поваленное дерево, каждый камень и каждый бугорок было по легенде. Приходилось ему поддакивать и делать вид, что нам безумно интересно.

– Он вас не утомил? – спросила я совсем не случайно.

...Дело в том, что этот Аленин научный работник сильно напомнил мне одного папиного знакомого. Этому чудику довелось однажды по турпутевке побывать в Индии: там он заразился местным укладом жизни и теперь грузил всех сказаниями о тамошних божествах. Разные Брахмы, Путры, Индры, Ганеши, Хануманы, Вишны – все эти диковинные имена индуистских богов так и сыпались из его уст со всеми вытекающими подробностями их взаимоотношений, а поскольку богов в Индии бессчетное множество, переслушать фанатика было нереально...

– Не то слово, он нас тогда просто заколебал своими сказками! Наверное, час грузил нас нескончаемой песней о трагической судьбе некой принцессы гор по имени то ли Синильга, то ли Бугульма, которую злой дух за плохое поведение – она никак не хотела ему отдаться – обратил в птицу. И теперь, якобы, гордая птица распростерла крылья и обречена вечно парить над горами. С одного края скала и правда немного напоминала чайку, присевшую на жердочку, вот только крылышки еще сложить не успела...

– Ну да, я видела, бывают такие скалы... с птичьими и даже с человечьими очертаниями!

– Во! А я что толкую? На чайку оно похоже было... А Костик ходил, ходил вокруг, да и говорит: «Это, смотря, с какого боку посмотреть. Вот отсюда ваша птица лично мне больше парусник напоминает, а если отсюда глянуть, так вообще на китайскую пагоду очень похоже».

– Ага! Идея с пагодой ему тогда сильно понравилась, – подтвердил Костя: «У вас, – говорит, – молодой человек, очень тонкий взгляд на мир. Я гляжу, вы действительно прониклись мифами и древними легендами народного эпоса». А чем я проникся-то? Просто, что вижу, то пою.

– Он сразу буквально вцепился за пресловутую пагоду зубами, – смеялась Аленка, – и давай на ходу придумывать свежие предания о златокрылом драконе, китайском императоре и волшебной пагоде...

– Да, гнал мужик тогда по-черному. Но мы больше его не

слушали. Только перемигивались да хихикали за спиной, а он и не замечал ничего, – вспоминал Дима и удивлялся: – Мужуку, видно, уже не до нас было, так его перло.

– Чудак-человек, мне даже жалко его стало, – грустно сказала Алена и, помолчав, спросила: – А здорово нам в то лето было, правда?

Ребята закивали в знак полного с ней согласия.

Общие воспоминания грели ребят и сплачивали еще теснее – это ощущалось по оживлению на лицах, а также по некому дружескому куражу, который прослеживался в ходе всего разговора. Я чувствовала себя белой вороной в их теплой компании, хотя, вероятно, тоже неплохо вписалась бы в ее состав, доведись мне разок-другой поучаствовать в таких славных делах. Меня давно влекла романтика походов, жизнь в палатках, запах костра, и я знала наверняка – это мое! Местами мне даже хотелось вставить в разговор слово. Но как не пыжилась, вставить было нечего. Потому что не было у меня пока ни дальних странствий, ни захватывающих приключений. Из походного опыта, который хоть каким-то боком касался экстремальных путешествий, всплыла лишь одна нелепая картинка: Сонька пакует свой рюкзак, добывая его совершенно неподходящими для экстрима предметами – будильниками, выходными плащами да банками с вареньем. Зато рюкзак точно настоящий! Видавший виды, потрепанный рюкзак – все, что досталось в наследство моей дорогой подруге от ее непутевого отца-геолога, кото-

рый называл себя бродягой и свободным художником.

Романтика романтикой, но вот костер почему-то грел плохо. Либо дрова сырые, либо похолодало от того, что с гор спустилась ночная свежесть, либо просто я одета не по погоде. Когда у Алены в очередной раз возник гуманный порыв по-братски поделить свою куртку – меховушку мне, а джинсовый верх себе – я не стала отказываться. Черт, но все равно не могла согреться! Особенно замерзли ноги в клеенчатых босоножках. Возникло даже искушение пожаловаться окружающим – но остальной народ будто не замечал явного понижения градуса. Все оставались бодры и веселы. Хотя, Димка, к примеру, был одет не теплее, чем я. У меня хоть свитерок шерстяной, плюс еще Аленина поддевка, а этот вообще в одной майке скачет. Не иначе их всех любовь греет. Они же, в отличие от меня, парами. Но если я признаюсь, что замерзла, как бобик, это будет свинством. Со мною, можно сказать, последней рубахой делятся, а я...

Все! Сидеть на отсыревшем бревне стало больше не в состоянии. Я встала у огня... Мое место на бревне тут же заняла Дина. От моих влажных джинсов сразу повалил густой пар. Хорошо-то как! Как говорил Ипполит: «Тепленькая пошла»...

Дима, будто извиняясь за то, что им всем хорошо вместе, а мне, как всякому новичку, пока не так комфортно и свободно, как остальным, бодро спросил:

– Ну как, Полина, идешь с нами на Подкаменную Тунгус-

ку? Нам альтруисты нужны.

Я видела, как при этом дернулась Дина.

– Это что еще за зверь? – удивилась Алена.

– Альтруисты – это люди, которые предпочитают больше отдавать, чем получать, – доходчиво объяснил Дмитрий.

Вот что значит студент второго курса! К стыду своему я тоже впервые узнала значение громкого слова.

– Надеюсь, мы как раз эти самые? Как ты их там сейчас назвал?

Но на этот раз Алене ответил не Дима, а Костя. Он был горд, что тоже в курсе, о чем речь.

– Именно. В нашем бродяжническом деле, Аленушка, без альтруизма никак.

Мне стало весело оттого, что Костя назвал здоровенную Алену уменьшительно-ласкательным «Аленушка» – выходит, смирился, все же, с ее вымышленным именем. А еще стало безумно приятно от того, что Дима причислил меня к благородным героям, способным жертвовать собой. Только с чего он взял, что я гожусь на эту роль? Может, подметил, как настойчиво я отказывалась от Алениной куртки, не желая, чтобы кто-то из-за меня мерз, хотя сама к тому времени уже насквозь продрогла и скукожилась в жалкий сухофрукт?

Я решила больше не обращать внимания на свои синие куриные лапки в летних босоножках. Алена, похоже, тоже начала зябнуть. Она втягивала шею в плечи и пыталась натянуть куцый воротник на покрасневшие уши. Что ж за ночь

такая стылая выпала! Август месяц называется...

Тут Дмитрий, который стоял в сторонке, насмешливо поглядывая на дрожащих девчонок на бревне, задиристо спросил, сверкнув в темноте «чегеваровскими» горящими глазами:

– Эй, замерзающие на галерке! Да и все остальные. А скажите-ка мне, братцы, кто из вас верит в высшую силу?

Кажется, начинается тема, в которой я наконец-то смогу поучаствовать на равных. Слава Богу, мне есть, что вспомнить, ведь какой-никакой опыт философских бесед при луне у меня имеется. Чего стоит лишь та памятная ночь, когда мы вместе с Соней и близнецами любовались звездами и рассуждали о высоких материях. Я была рада его поддержать.

– Я верю.

– Хотите, сейчас вызову?

– Кого? – хором не въехали Дина с Аленой.

– Я же говорю. Высшую силу.

Кто-то вяло бросил: «Ой, да ладно тебе сочинять...», но этот голос оказался единственным.

– Здорово! Давай. А ты правда – можешь? – подзадоривала я его, всем своим видом выказывая крайнее доверие.

Интересно, с чего это у Димки возникло желание нас развлечь? Нутром я чувствовала, что причиной его скоморошьяго поведения является лично мое присутствие. Не то, чтобы он испытывал ко мне особую симпатию или хотел понравиться. Просто, все мальчишки одинаковые. Стоит лишь новому человеку, тем более девчонке, появиться в коллекти-

ве, пацанам непременно надо что-то такое выкинуть, чтобы все ахнули. Вот и ему захотелось повыпендриваться.

– Страшно будет, – загробным голосом предупредил он.

– Димон, ты зачем девчонок пугаешь? – спросил Костя как-то настороженно и оглянулся, невольно заставив оглянуться и нас.

Мне опять показалось, что чья-то голова землистого цвета с пустыми глазницами высовывается из-за мохнатой поваленной лиственницы.

– А я люблю такого рода шоу, – неустрашимо заявила Алена.

Лицо ее оживилось, и шея, как у гусыни, вытянулась обратно из плеч.

– Ну, смотрите! Как бы потом не пожалели.

– Давай, давай. Вызывай скорее. А то холодно. Может, твоя высшая сила меня хоть чуть-чуть согреет, – на что-то игриво намекала подруга Дина.

– Хорошо, – сказал Дима, – только у меня условие: не ржать, а то чакры не откроются.

Тут же раздался такой взрыв хохота, что горы содрогнулись и отразили наши голоса многократно.

Димка взобрался на высокий камень, цыкнул на нас, сделал сосредоточенное лицо, распростер вперед руки, подставив ладони небу, закинул голову и торжественно воззвал:

– Я, Дмитрий Мухин, обращаюсь к тебе, Высшая Сила! Прошу, приди ко мне!

Опять дикий хохот. Вспышку веселья удалось подавить с трудом. Каждый уговаривал другого, а по сути, уговаривал себя: «Ну, пожалуйста, давайте не смеяться. Ничего же не получится, если смеяться...».

– Высшая Сила, приди! – уже не обращая на нас внимания, просил Димка.

И что-то в нем изменилось! Он пристально смотрел в небо, и в его голосе не осталось ничего шутовского.

Я задрала голову. Никаких звезд: над нами крошечная тьма! Остальные тоже вдруг обнаружили в небе беспросветную угольную черноту.

– Господи, куда луна-то подевалась? – испуганно пробормотала Дина. – Сейчас же только, пять минут назад вон в том углу висела.

– Дим, может, не стоит. С космосом шутить опасно, – неуверенно предостерег Костя.

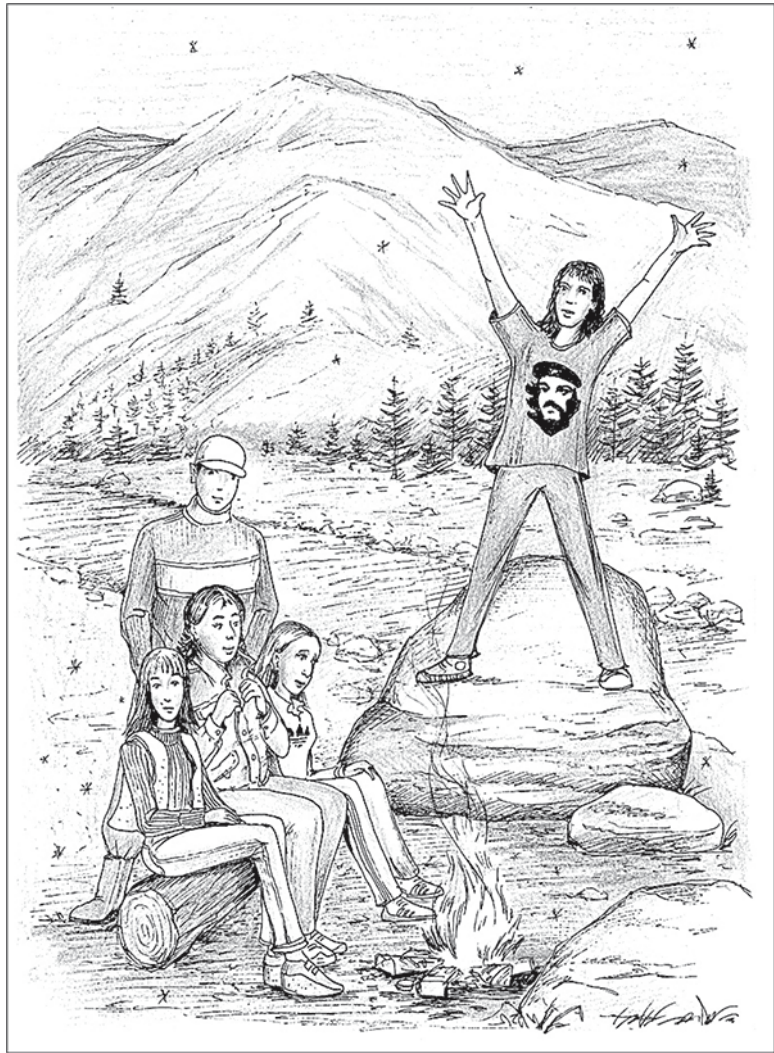
И опять после его слов стало тревожно, и мурашки побежали по коже. Мне показалось, остальные – кроме Димки, конечно – испытывали схожие чувства. Константин зачем-то оббежал кругом территорию, заглядывая за каждый камень, будто проверял, не появился ли кто чужой. Тонкая Дина придвинулась к Аленке и, как птенец, забила ей под крыло. Но большая теплая Алена, похоже, сама не прочь была куда-нибудь забиться, поэтому позвала меня:

– Полина, чего ты там все торчишь? Босоножки свои красивые спалишь. Иди к нам, светопредставление смотреть.

Вместе не так жутко будет.

После слов Алены я чуть-чуть успокоилась. Конечно, это всего лишь представление. Она же Димку лучше знает. Какой из него повелитель высшей силы? Ну, любит парень покуролесить. Только и всего.

Однако наблюдать за ним становилось все страшнее и страшнее. Дима всем корпусом подался туда, в темень, будто и вправду его засасывал космос. Нас он больше не видел. Лицо его перекосилось, и стало, как у Гуимплена, героя Виктора Гюго. Только с Гуимпленом-то все предельно ясно: ему еще в детстве искусственно обезобразили лицо, а вот что произошло с мимикой повелителя высших сил – никто из нас не понимал. Жуткая гримаса, когда невозможно понять, то ли человек улыбается, то ли скалится, теперь осеменяла его побелевшую физиономию... Он уже не просил, он молил высшую силу явиться! Еще теплилась надежда, вот сейчас парень рассмеется и объявит нам, какие мы олухи, и как нас легко развести. Но произошло нечто из ряда вон выходящее.

Дмитрий в который раз произнес свое заклинание. Только теперь голос его странно вибрировал, то ли от волнения, то ли от оторопи:

– Высшая Сила, приди! – и вдруг заорал диким, абсолютно не своим голосом, будто вмиг прозрев: – Вот черт, фигня какая!

Он с ужасом глядел на свои вывернутые ладони. На них падали с неба и плавно приземлялись огромные белые снежинки.

О! Как мы рванули! Не оглядываясь назад, не разбирая дороги, и не понимая, что кругом происходит. Снег повалил сильнее. И это среди лета! Ужас гнал нас вперед. Скорее, скорее. Добежать до территории базы. Там убежище. Там нас не достанет никакая высшая сила! Тонкий ремешок босоножек лопнул, когда я скакнула с камня на камень, как лань, одним махом преодолев рекордное расстояние метров в пять, хотя прыжки в длину, вообще-то, не моя тема. Как теперь улепетывать с одним копытом?! Пришлось скинуть и второй башмак. Подхватив туфли под мышки, я дала деру. Теперь уже босиком... Я неслась по узкой тропе каменистого ущелья, не обращая внимания на то, что пальцы голых ступней без конца запинаятся о выпуклые камни, об оголенные корни деревьев, пятки шкрябают по щебенке, как по самому крупному наждаку, а джинсы собрали все колючки до самого пупа... Эх! Надо было ноги-то закалять, а не прятать все

лето. В голове моей молнией промелькнула Генриетта с ее изящными щиколотками, как у молодухи, а следом босоногая девчонка Нюрка из Иркиной книжки о Тимуре и его команде; та, что все скакала «по лесам и оврагам», вечно гоняясь за своей бестолковой козой, – вот у кого, наверное, подошвы бронзово-коричневые и крепкие! Еще и крапивы совсем не боятся... Да... что ни говори, полезная привычка ходить босиком...

Но только не в горах! Может и к лучшему, что я бежала без обуви. Иначе из-за громоздкого пробкового возвышения да при таком отрыве от земли у меня был объективный риск переломать себе обе ноги; а так чувствительная ступня, хотя и изрядно исцарапанная, как бы на уровне подсознания подсказывала, куда дальше прыгать. Вдруг мне представился наш Край Света: Леша, волокущий меня на вершину утеса, его жаркая ладонь, и те, почти блаженные, по сравнению с нынешними, ощущения погружения босых ног в ласковый теплый песок и податливую рассыпчатую глину. Эх, вернуться бы сейчас туда...

Ага, размечталась! Я внезапно опомнилась и с ужасом подавила в себе мысль, что вообще-то топаю босиком по снегу. Вот ведь попала с этими туфлями, как кур во щи! Еще когда мы только направлялись к заветному месту с валунами, я периодически испытывала неустойчивость в босоножках и бессознательное желание за кого-нибудь схватиться. Замшелые камни под ногами были слишком влажными, и как след-

ствие – очень скользкими. Но тогда я еще толком никого из компании не знала, а цепляться за малознакомых людей было неловко. Поэтому приходилось осторожничать, чтобы не улететь с узкой скалистой тропы. Сейчас же думать об осмотрительности никому не приходило в голову. Мы просто неслись во весь опор, выпучив от ужаса глаза.

Пока бежали, не чуя под собой ног, снежный хоровод продолжался. Вот, наконец, спасительная дыра в заборе. И надо же такому случиться! Лишь только мы ступили на родную землю, снег прекратился. Будто его и не бывало.

– Дурр... дом! – выдохнул Костя, кратко, но, по сути, правильно охарактеризовав ситуацию, когда все остановились, чтобы перевести дух.

Лица были растеряны, а сердца выпрыгивали наружу. Я совсем запыхалась и потеряла какую-то важную мысль.

– Уф... Меня чуть инфаркт не хватил, – еле шевеля губами, пробормотала Алена, глядя на Димку неузнаваемым взглядом.

– Слушай, Муха, неужели это ты все устроил?

– Я сам не понял, как это получилось. Будто за моей спиной кто стоял и за нитки дергал, как марионетку.

– Это горы, братцы... Мне отец говорил, горы – всегда аномальная зона. Шамбала называется. Территория, где природой управляют сверхъестественные силы. Людям в таких местах всегда мерещится разная чушь, – довольно убедительно консультировал нас Костя, но у самого при этом в

глазах оставался большой вопрос.

– Хочешь сказать, у нас всех одновременно крыша съехала? Что на самом деле никакого снега и не было? – спрашивала Алена с большим сомнением, поглядывая на свой джинсовый рукав с пятнами от растаявших хлопьев.

– Нет. Был снег. Видать, мы духов гор растревожили, они на нас его и наслали.

– Да не трогал я твоих духов!

– Ты, Дим, пойми, духи – они все с высшей силой связаны, и даже, вроде как, у нее в подчинении.

– Да уж, у них там, видать, своя иерархия, – захихикал Димка.

Его лицо постепенно приобретало нормальный цвет, а в первый момент, когда только прибежали, он стоял, не улыбаясь, и был бледным, как стена. Видно, эта непостижимая и одновременно манящая сила и самого заклинателя ввергла в шок. Он вытер влажные ладони о тренировочные штаны и, уже совсем успокоившись, рассудительно предложил Костику:

– Ты бы лучше уточнил у отца своего, снег в августе в горах иногда случается, или это все-таки явление из ряда вон выходящее?

Пока друзья чесали языками, ко мне вернулась способность соображать, а также потерянная ранее мысль, и, хотя формулировка ее была совсем уж детской, она стала долбить

меня изнутри, как дятел: «Что я маме скажу? Ужас! Что я маме-то скажу?!». Прежде всего, конечно, совесть мучила в связи с полной утратой практически неношенной обуви.

Последние кристаллические снежинки на одежде с быстротой молнии исчезали на глазах. Я перевела взгляд на землю, торопясь захватить удивительно редкое явление для лета – таяние снега на зеленой траве и... обомлела: вот это да! Мои бедные ноги! Израненные, избитые, они больше не мерзли, а горели огнем, словно я наступила сразу на тысячу колючих ежей. Кажется, на худом и остром мизинце левой ноги – кровь. А пятка – вообще, будто я по битому стеклу топталась...

Болтовня друзей меня больше не занимала. Треплются ни о чем, а тут... Поскорей бы домой. Больше всего мне сейчас хотелось лечь, накрыться теплым пледом и не шевелиться.

– Ей-богу, как дети, – осудила парней тихоня Дина, – сколько можно языками чесать? Завтра договорите... Не знаю, кому как, а мне домой надо.

– Ей домой надо! – передразнила ее Алена. – Тут Полину надо спасать. Вон она еле на ногах стоит.

Костя и Дима очумело уставились на мои босые окровавленные стопы, испачканные грязью, исколотые камнями и исцарапанные колючками.

– Что же ты молчала, Полина! – вскричал Димка. – Прости, не заметили, что у тебя такие проблемы. Ничего, мы с Костей мигом тебя оттащим, куда скажешь.

– Да ну, пустяки. Это лишнее. Сама дойду, – бодрилась я, еще не хватало, чтобы из-за меня устраивали переполох.

– Поля, – предложила Алена, – давай ко мне. Надо раны обработать, чтобы заражения не было. Назавтра будешь, как огурчик.

Дина сказала:

– С меня хватит. Лично я домой.

Развернулась и пошла, не сказав никому до свиданья. Алена посмотрела ей вслед с укоризной и разочарованно бросила: «А она у нас далеко не альтруистка»...

Парни не стали меня слушать. Они перехватили друг друга перекрестно за запястья, и получилось квадратное сиденье. Такой прием обычно применяют ребяташки, когда балуются в воде, чтобы повыше подкинуть ныряльщика. Только трюкач обычно взбирается на подвижную опору и становится на нее ступнями, мне же ничего не оставалось делать, как усесться попой на сплетенные руки санитаров. Я, конечно, жутко стеснялась, но внимание новых друзей было приятно. Алена подхватила мои пробковые копытца и побежала вперед, чтобы отворить двери и предупредить мать, что не одна: «А то напугается еще спросонья...».

Над входом горела голубоватая дежурная лампочка, тускло освещая крыльцо и вывеску «Амбулатория».

– Аккуратно давайте. Вот так боком ее заносите, а то об косяк заденете, – командовала транспортировкой Алена, будто я была секцией от полированной стенки.

– Ленка, тихо. Мать свою разбудишь, – шепотом предупредил осторожный Костя, прикладывая палец к губам, но Аленка уже сделала все, что могла.

– Лена, кто там? Пациенты? Скажи, я сейчас встану, – раздался слабый и испуганный голос с нотками паники.

Голос внезапно разбуженного человека, выдернутого из фазы самого крепкого предутреннего сна. Дверь в комнату была приоткрыта, и я увидела размытую полосу света от крошечного ночника, раздвинутый диван-кровать, на нем белую постель и фигуру, по уши укутанную в одеяло.

– Нет, мам. Спи. Это я. То есть, мы с ребятами.

– Делать вам нечего. По ночам шарахаетесь, – с видимым облегчением проворчала Аленина родительница, – вечно сон перебьют...

Последние слова она еле договорила заплетающимся языком, возвращаясь обратно, в состояние безмятежного сладкого сна.

– На ту половину проходите, в кабинет, – девушка подталкивала носильщиков к белеющим в темноте дверям.

Приторно и терпко пахнуло аптекой. Кто-то щелкнул выключателем, и я обомлела. Дежа вю?! Белоснежные стены, белоснежные занавески, белоснежная мебель, если можно назвать мебелью крашенный медицинский шкаф со стеклянными дверцами, за которыми поблескивали инструменты, аккуратно разложенные на марле. На подоконнике кувшин с букетом из полевых цветов. Генриеттин будуар, не иначе.

Найдите одно отличие, называется. Я нашла. Вместо широкой старухиной кровати с металлическими шариками, украшающими спинку, буквально на том же самом месте у окна стояла белая медицинская кушетка, на которую меня и сгрузили запыхавшиеся санитары.

Алена приступила к осмотру. Сначала она без колебаний погнула в разные стороны мою наиболее пострадавшую стопу, на предмет исключения растяжения связок. Я взвизгнула, видя, что девушка собирается проделать то же самое с окровавленным и уже опухшим желудом моего мизинца.

– Я его... сломала?!

– Не... Просто порезалась. Так, чихня... – успокоила она и тут же бесцеремонно одернула, шлепнув меня по рукам. – Ой, да не вертись ты! И ручки свои шаловливые убери...

Затем Алена приступила к обработке ран. Слегка щипало, но было вполне терпимо. Костя все порывался помочь подруге, но от него было больше суеты, чем дела. А Димка отворачивался, и его передергивало, будто он сам испытывал боль.

– Ничего страшного не вижу. Легкие царапины и поверхностные ссадины, а так все нормально, даже не потянула, – был поставлен утешительный диагноз.

– Ленка, ты готовый врач! – восхитился Дима.

– Теоретически я тоже мог бы оказать первую помощь, – похвалился Костик, сын инструктора по туризму.

– Вот именно. Теоретически. А у меня опыт! Сколько раз

мама в Шушенское уезжала, а я за нее оставалась. И заметь, никто из пациентов ни разу не усомнился в моих профессиональных качествах, – привычно осадил своего друга Алена, ловко орудуя пинцетом с тампоном.

Она с пристрастием оглядела свою работу: «Полина, как тебе, нормально?».

– Замечательно. Спасибо тебе, Алена.

– Ну, вот. А то дома наверняка ни бинтов, ни ваты.

– Ой! Я об этом даже как-то не подумала.

– Надо бы укол ей еще от столбняка сделать, на всякий случай, чтобы заражения крови не было, – брякнул Дима то ли шутя, то ли серьезно.

– Советчик! Тебе бы самому не мешало всадить укол от бешенства. Мы уж думали, что ты умом двинулся, когда с пустым местом заговорил, – по-доброму подкалывала Алена приятеля.

– А сами-то драпали! Чуть шеи себе не свернули, – усмеялся Димка и победоносно заявлял: – Выходит, все-таки поверили в мою высшую силу. Я ведь шкурой чувствовал: у меня получится...

Повелитель высших сил, видимо, не прочь был обсудить свои магические способности, но дежурная медсестра зевнула и равнодушно, без всякого намека на хорошие манеры, молвила:

– Ладно, народ, давайте уже, валите. Расходиться пора, а то на спанье и так времени не осталось.

Глава 3. «Эпохондрия»

Пробудилась я где-то около одиннадцати. Вернее сказать, очнулась от тяжелого липкого забытья. Какое ужасное утро! Болело все, ну просто все... Дикая головная боль поднималась от шеи к затылку и расплзалась к вискам. Было ощущение, что на меня надели тесный металлический шлем, который давил на все области головного мозга. Бешено стучали молоточки, отдавая прострелами в макушку. И подташнивало. И нестерпимо хотелось пить.

– Пить, – тонко попросила я.

Тишина. Господи, куда все подевались? Голова соображала туго, но все-таки соображала: «Может, за завтраком пошли? Но почему так поздно? Вроде уж день на дворе».

Поднялась кое-как и, качаясь, направилась к столику с графином. Стала жадно пить из горлышка. Вода показалась отвратительно теплой. Мало того с каждым глотком в горле возникала невыносимая резь. Ненавижу ангину! Эта болезнь преследует меня с детства, и... ох, как достала!

На скатерти лежала длинная записка, написанная маминной рукой все теми же красными чернилами: «Полина, мы уехали смотреть Шалаш и Песчаную горку. Тебя не смогли растолкать. Еще бы. Гулять всю ночь напролет! Совесть надо иметь, дочь. Каша и сыр с маслом на веранде под полотенцем. Вернемся к вечеру.

Р. С. И чьи это, интересно, тапки стоят у нас на крыльце?»

Внизу Ира пририсовала «неведому» зверушку. Не то лемура, не то лысого Чебурашку, не то пучеглазого зайца без ушей. Рот мутанта кривился от улыбки, которая больше напоминала издевку.

«Ладно, буду болеть одна», – обиженно подумала я, и в изнеможении ухнула в скомканную влажную постель. Подушка была мокрой, хоть выжимай. Началась лихорадка. Пришлось опять подняться через силу. Качаясь, собрала по койкам все одеяла, какие были в наличии, и в полном изнеможении натянула на себя. Стало жарко, как в парилке, зато, вроде, полегчало.

Где же я умудрилась, так сильно простудится? А еще купаться собиралась в Енисее! «Вот лежи теперь и анализируй, – сказала я себе строго, – нет, чтобы позаботиться о себе да обуться, как положено, да надеть теплую куртку, а не прыгать по ночам босой по холодным булыжникам».

Температура, по всему видно – сумасшедшая; плюс – пугающий сухой кашель, который не дает дышать и спать. События минувшей ночи и раннего утра крутились в голове без всякой хронологии с наложением на них бредового угара.

Вот мама. Черты ее лица расплываются, будто я вижу ее в запотевшем зеркале. Она ласково будит меня: «Полина, вставай. Уже восемь. Про экскурсию забыла? Как не поедешь? Ты же собиралась. Ну, как знаешь». Вдруг мамин

но лицо резко меняется, становится багровым и недобрым, вроде это уже и не мама: «Ответишь ты мне, наконец, чьи это тапки?!». «Не-мама» сует мне под нос зеленые расхлябанные войлочные тапки, и я понимаю, что это уже бред. «Правда, чьи же это тапки?» – с трудом ворочаются мозги. Ах, да! И вновь проблеск сознания. Ночь. Алена провожает меня до двери и шепчет: «У тебя какой размер обуви? Тридцать шестой? Тогда мамини подойдут, а то у меня почти сорок». Мне жутко неудобно, что причиняю людям столько беспокойства, и я упрямо отказываюсь. «А, поняла, – усмехается Алена, – хочешь, чтобы мужички опять тебя на руках носили? Сознавайся – понравилось?» Я запоздало спохватываюсь: «Не надо на руках, я сама дойду. Давай свои тапки».

Другой эпизод. И опять лица, расплзающиеся вкривь и вкось... Парни – Дима и Костя кормят с рук лохматого медвежонка. Овсяным печеньем. Медвежий ребенок осторожно берет мягкими губами печенюшку, чавкает и урчит. Я тоже хочу покормить мишку. Но мне нельзя. Меня еще не посвятили в туристы. И грезится туристическая еда, намешанная в котелке. По условию требуется проглотить мерзкую массу. Ох! Вряд ли я смогу. А значит, не быть мне туристом никогда. Я чувствую, как сильно меня мутит. До критической точки остается один шаг.

Меня одолевали галлюцинации, или короткие сны, перепутанные с явью. На стене напротив висела картина. Сосны и дорога, освещенная солнцем, ведущая вглубь леса. Рань-

ше я перед сном всегда с удовольствием разглядывала сюжет в рамке. Место казалось мне невероятно знакомым. Сейчас в пейзаже я узнала Седую Заимку. Но отчего-то геометрия стены и картины была нарушена. Или репродукция весела криво? Надо встать и срочно поправить. Тем более что с полотна меня уже звал к себе Алексей... И нестерпимо захотелось ступить голыми ногами на залитую солнцем дорогу, утопить ступни в пыли, как в мягком ворсе ковра, и очутиться в болеутоляющих Лешиных объятьях. Я с великим трудом отняла от подушки тяжелую, как гиря, голову, но подняться так и не смогла.

Родители, как и обещали, вернулись только под вечер. Я, совсем обессилившая от жара, через пелену фантазмагорических видений, непрерывного стука в голове и шума в ушах, слышала, как они ругались.

– На черта мы только поехали? Ребенка больного одного бросили. Это все ты! Тебе ж непременно надо было все места посетить, где Владимир Ильич отметился...

– Сама же говорила, надо поклониться истории, чтобы совесть потом не мучила.

– Как раз теперь-то и мучает. Дочь с температурой под сорок одна весь день пластом лежала, а мы в это время по каким-то вшивым горкам лазали.

– Я же не знал, что все эти шалаши и горки – чистой воды охмурение доверчивых граждан, – оправдывался папа.

Стоп. Где-то я это уже слышала. Нынешней ночью я узнала об удивительной особенности местных жителей. Здесь каждую горку, каждый выступ, каждую впадинку нарекают именами, а потом объект непременно обрастает легендами.

– Ты будто Ильфа и Петрова не читала. Там такие же идиоты, как мы, рвались своими глазами на пресловутый.

«Провал» поглядеть. И даже не догадывались, что их, дураков, разводят.

– Ну, мать, ты загнула! То «Провал», а то – вождь мирового пролетариата. У нас, между прочим, даже путевка называется «по Ленинским местам». Лично я себя идиотом не считаю.

– Значит, я одна идиотка. Пусть так, – обиделась мама.

– Ладно, Люция, успокойся. Проехали, – примирительно сказал папа. – Я за фельдшером побежал... Ирина, ты со мной?

Мама под села ко мне на кровать. Она мочила в тазу свернутое полотенце, слегка отжимала и клала мне контрастный компресс на пылающий лоб. Эта процедура сразу воскресила меня.

– Водички попить?

– Только похолоднее, мамочка.

– Похолоднее ей! Горло краснющее. Еще и гнойное! Небось, вчера ледяной воды из ручья нахлебалась? На, пей потихоньку. Глотать-то больно?

– Так себе. Знаешь, мам, от горла хорошо помогает варенье из лепестков роз.

– Ой! Не пугай ты меня, ради Бога. Ты и в бреду все какого-то розового варенья просила... Полина, я что еще спросить хотела... Мы когда с отцом только зашли, ты все какого-то Лешу звала. Это кто?

Крепко же меня плющило, если я целиком и полностью контроль над собой потеряла. Тут меня, чуть тепленькую, врасплох и застали. Оказывается, болезнь может вышибить из колеи не только тело, но и мозги. Я была дерзка и честна. С больной какой спрос? Набралась смелости и с вызовом прохрипела:

– Мы любим друг друга!

– Вот как?! – обалдела мама. – И давно?

– Давно.

– Давно это как? Со вчерашней ночи? – она смотрела на меня недоверчивым и жалеющим взглядом. – Детка, да ты у меня опять бредишь! Совсем плохо тебе, Полюшка?

– Не знаю. Сейчас, вроде, стало полегче от твоего компресса. Мам, только вы больше с папой не ругайтесь. Ладно?

– Ладно, не будем, – твердо пообещала мама.

Чего не сделаешь ради улучшения самочувствия несчастного больного ребенка.

...Я всегда остро переживала ссоры родителей, и удивлялась спокойствию иных одноклассников, которые запросто

рассказывали, как «папка мамке» между глаз засадил, а та его по башке сковородкой. Умная по жизни Соня разложила мою нетерпимость к родительским конфликтам по полкам. В ее теории содержалась определенная логика. «Во-первых, – рассуждала подруга, – твои крайне редко ругаются. Потому у тебя не выработалась привычка, как у большинства нормальных детей... ну, тех, чьи родичи собачатся каждый день. Ведь когда несчастные детишки буквально с рождения слушают брань – для них она звучит почти как музыка, и потом они уже просто не замечают этого каждодневного ужаса. А во-вторых, ты папина и мамина дочка в равных долях, и любишь обоих одинаково сильно. Не то что, к примеру, я. Всю жизнь исключительно мамина дочка, хотя надо отдать должное папане, честно пытавшемуся меня воспитывать аж до пяти лет. Концерты родителей не могут тебе нравятся по определению, так как ты не можешь принять сторону ни одного из них. Сердечко-то твое за каждого в отдельности болит. Вот и мечешься ты между двух огней...».

На крылечке послышалась возня.

– Проходите, пожалуйста. Тапочки, пожалуйста.

– Спасибо. Ой, надо же! Вот совпадение! Представляете, у меня дома точно такие же. И размер мой! Где у вас тут руки помыть?

На глаза будто кто давил. Но любопытство взяло верх над болью, и пудровые веки с трудом, но разлепились. В комна-

ту белой тенью медленно вплыла моложавая, приятной полноты женщина, облаченная в халат. В руке она держала кожаный саквояж. Голову докторши венчал колпак, из-под которого выглядывали белокурые волосы. Шустрая темноволосяя и чернобровая Алена ни грамма не походила на свою мать.

– Что беспокоит? – а вот голос напротив – один в один, как у дочери, только тембр участливый и мягкий.

– Горло. Глотать не могу.

– Чайную ложечку, будьте добры.

Ирина пулей слетала за ложкой.

– Горло рыхлое, с гнойниками. Так, красавица, теперь я должна тебя хорошенько послушать. Не нравится мне твое дыхание. Жесткое. Вот так, повернись-ка ко мне спинкой.

Я села на койке, свесив ноги. От соприкосновения с ледяной блямбой фонендоскопа пылающее тело вздрогнуло и произвольно съежилось.

– Ясно. Температуру можно и не мерить. Тридцать восемь и семь, как минимум, – на глаз определила женщина, проанализировав мою реакцию на неприятное металлическое касание.

Я виновато взглянула на маму. Очень хотелось перед ней извиниться за свою несвоевременную болезнь. Но на ее лице в этот момент отразилась такая растерянность и ужас, что я отложила это дело на потом. Она воззрилась на мои ступни, все еще опутанные бинтами, хотя порядком уже размотавшимися. Видно, когда мне было совсем плоховато, я бессознательно крутилась на кровати, как неумная заводная обе-

зьянка, вот все повязки и слетели.

– Полина, Боже! Что у тебя с ногами?

Я не успела ответить, потому что за меня ответила докторша.

– Похоже, уважаемые, это мои родные тапки! – рассмеялась она звонко. – Не зря я их сразу заметила. Ведь мои же? Сознаться, Полина.

Я кивнула головой. Мама ничего не понимала. Папа тоже не понимал, но уже тайно веселился.

– Поля, ты что, украла тапки у тети врача?! – Ира округлила глаза. – Чужое же брать нельзя!

– Я только напрокат взяла.

Тем временем доктор аккуратно разматывала бинты, профессионально скручивала в рулончики, постепенно обнажая старые раны и представляя их на всеобщее обозрение.

– Ленка обработала? Ну что ж, неплохо. Здесь все в порядке. Подсыхает быстро. Теперь-то я понимаю, кто у меня ночью гостил!

– Извините меня, пожалуйста. У меня босоножки порвались. Мне пришлось босой бежать. Я о камни чуть-чуть поцарапалась.

Ирка, как верный паж, в доказательство моих слов и, главное, в оправдание моего противоправного поступка уже перла на показ пострадавшую обувь. Ох, лучше бы она этого не делала! Вчера мне казалось, что я достаточно надежно спрятала туфли, затолкав их подальше под обувную полку. С глаз

долой из сердца вон. Прибрала даже не столько от родителей, сколько от себя, чтобы лишний раз не расстраиваться. Сейчас в руках сестры болталось жалкое подобие выходной обуви, больше похожее на хлам с помойки. Перемазанная пробковая платформа с засохшими нашлепками из глины с прилипшей к ней травой и мхом. То там, то тут торчали нитки от выдранных с мясом ремешков. Оригинальная металлическая застежка в виде милой стрекозки на одной из туфельек, похоже, была утеряна навеки.

– Да-а-а... хорошие были босоножки, – только и мог вымолвить папа.

– Черт с ними, – махнула рукой мама, – лишь бы ребенок быстрее на ноги встал.

Врачица что-то быстро писала и комментировала свои рецепты, но я уже ни во что не врубалась. Апатия и упадок сил – непреложные симптомы острого бронхита и гнойной ангины. Лишь слабая искорка возрождения промелькнула в мутном сознании, когда посетительница уже прощалась.

– Ну, до свидания всем. Давайте, выздоравливайте. Я сейчас Лену пришлю, дочь. Она меду принесет. Смотри, Полина, босиком у меня больше по ночам не гуляй, а то уколы буду ставить!

– Хорошо, – промямлила я, но, кажется, моего осипшего гласа никто не услышал.

Этим вечером я так и не дождалась Алёну, потому что

провалялась в забытьи. Хотя, как оказалось, она забежала на минутку, приносила липовый мед. Этим медом меня потом отпаивали, смазывали горло и натирали. От бесконечных примочек и процедур все вокруг плыло, как в тумане.

Попутру голова была еще тяжела, однако работала исправно. Мама кормила меня с ложки манной кашей и ласково мне выговаривала:

– Ты о матери вообще когда-нибудь думаешь? Знаешь же свою проблему. Если с вечера ноги промочила, к утру непременно температура подскочит. А ты по холодной земле без обуви скачешь! Не пойму, ну отчего ты у нас такая слабенькая? Вроде и спортом занимаешься. И в воде по многу часов тренируешься. Должна бы уж закалиться. А у тебя чуть чего – ангина. Нет, придется, видимо, тебе гланды удалять. Видно, от них все проблемы.

– Мам, ты же сама говорила, что в «Здоровье» была сенсационная статья, вроде как гланды – это ворота для инфекции. Нет, не правильно я выразилась. Не ворота, а наоборот – барьер для заразы.

– Что-то не верится, чтобы хоть что-то испортило обедню твоей ангине.

Я с отвращением, через силу, глотала остывшую кашу, лишь бы не расстраивать маму, и думала только об одном: только бы не попался комок. Иначе все!

– Мама, можно я хоть один малюсенький конвертик себе

возьму, – прервала мою кормежку Ира, которая восседала за столом, подложив для удобства подушку под зад, и рисовала, слюнявя карандаш.

– Ирочка, рисуй в тетрадке. Там еще полно чистых листочков. Зачем же конвертики портить?

– Да... Поле – дак можно... – как обычно начала канючить сестра. – Поля вон уже сколько испортила. Почти все.

И Ира вывалила из блокнота всю мою тайную переписку.

Я рванулась, в два прыжка достигла стола, вырвала письма у сестры, успев наградить ее заслуженным подзатыльником, и опять очутилась в кровати. Чуть маму не снесла. Все произошло настолько стремительно, что Ирка даже не успела зареветь, а мама, совершенно не ожидавшая от больной такой прыти, растерянно держала тарелку с кашей в одной руке, вымазанную ложку в другой, и совершенно не представляла, что дальше с этими столовыми приборами делать. Я же торопливо прятала конверты под подушку. Вот уж точно, надежнее места не найти. Потом натянула до подбородка одеяло и затаилась, ожидая законного вопроса от мамы. Но она ничего не спросила. После длительной паузы, висевшей в воздухе не менее минуты, мама обратилась к Ирине:

– Ира, детонька, ты должна запомнить на всю жизнь. Никогда нельзя брать без спросу чужие вещи. Особенно письма. Понимаешь, это как секретки, что ты в песочнице прячешь.

– Секретки?! Значит, Поля все равно их потом мне по-

кажет. Я же ей все свои секретки раскрываю.

– Правильно. У тебя свои секретки, а у Поли свои. Время придет, и покажет, и расскажет... если, конечно, посчитает нужным, – хитро поглядывая на меня, обещала мама и обращалась уже ко мне: – Полина, напрасно ты конверты под подушку затолкала. Помнешь. Никто твоих писем читать не собирается. Давай, клади обратно сюда.

Она подала мне раскрытый блокнот:

– Целей будут. Ну, вот и пусть хранятся здесь для истории.

– Почему это для истории? – встрепелась я, и с непоколебимостью, достойной всеобщего признания, заявила: – Мы и сейчас переписываемся! И всегда будем переписываться!

Мама сразу стала озабоченно ощупывать мне лоб и участливо заглядывать в глаза.

– Ну, Слава Богу. Температуры вроде нет. Полина, ты зачем меня пугаешь? Словно опять в бреду. Вот объясни мне, каким образом ты сейчас можешь с кем-то переписываться? От почты не близко. От цивилизации далеко... Отец вон, с утра за лекарством уехал, так его уже больше двух часов нет.

– Все равно мы переписываемся, – как заклинание твердила я, проявляя железную твердолобость.

Больные всегда становятся невыносимо капризными и упрямыми, и я не исключение.

– Хорошо, хорошо. Успокойся. Переписывайся, только не хандри, – поспешно и испуганно согласилась мама.

...День для меня вышел длинным и суматошным.

Вернулся папа. Судя по количеству лекарств, болеть мне предстояло еще пару месяцев. Только мама успела напичкать меня таблетками и сделать на спине йодную сетку, согласно предписанной доктором схеме лечения, сразу пошли посетители.

Первой явилась Алена. Выслушав мой отчет об общем самочувствии – надо заметить, не слишком внимательно – девушка присела на краешек кровати и попросила откинуть одеяло. На самом деле ей не терпелось полюбоваться на свою работу. С профессиональным интересом Аленка осмотрела мои подживающие раны. И залюбовалась... Похоже, свою работу она оценила на пять с плюсом, потому что показала мне большой палец и воскликнула: «Молодцом!». Я молодцом? Или она? Видимо, обе. Потом мы посмеялись, вспомнив, как неслись, не разбирая дороги, напуганные высшей силой. Вспоминали казус с тапками и опять хохотали. Чувствовалось, что моей маме девушка понравилась. Она смеялась с нами за компанию, а когда гостя засобиралась, мама вышла ее проводить, и я услышала:

– Аленушка, вот... возьмите.

– Что это?

– Тут вам шоколадка. А это ваши тапочки, то есть не ваши, а вашей мамы. Я вчера в суете о них и забыла совсем.

Вот это да! Я даже открыла рот от изумления: называть

девчонку, ровесницу мне, на «Вы»! Надо полагать, Алленка заслужила высшую степень маминого расположения.

– Ой, ну что вы. Какая шоколадка? – вежливо отказывалась моя новая подруга. – Вам вчера точно не до тапок было. У Полины-то, говорят, под сорок было!

– Не говорите. Напугала она нас. Вы приходите. Я смотрю, Полинка вам рада. Да и я вместе с вами посмеялась от души.

– Обязательно приду.

Алена сдержала обещание. Через пару часов в комнату ввалилась толпа посетителей под предводительством юного санинструктора. Перед этим я только было задремала, но теперь сестренка трясла меня, как грушу, и кричала в ухо:

– Польша, Польша, проснись, к тебе опять докторша пришла. Пускать? Только не которая старая, а которая молодая. А с ней еще какие-то люди.

Спросонья я ничего не соображала:

– Какие еще люди? А мама? Где мама?

– Они в столовку за обедом пошли, а мне наказывали твой сон охранять. Я и охраняю, и дверь никому не отворяю, – видно, сюжет сказки «Волк и семеро козлят» прочно засел в голове сестренки.

– Ира, не дури. Открывай иди быстро.

Навестить меня пришли мои собраты по ночным приключениям. Алена бережно прижимала к себе какой-то пакет. Рослый Костя зашел и чуть не ударился головой о притолоку. В дверях остались стоять длинноволосый Дима и с ним под

ручку модная, одетая по-городскому Дина. Я вспомнила, как Алена вчера расстроено бросила: «Она далеко не альтруистка», а в ее интонации я тогда уловила: «Похоже, мы ее теряем». Выходит, не совсем еще потеряли, раз Дина притопала за компанию, проведать не слишком симпатичную ей большую.

Алена приглашала всех в комнату, будто была хозяйкой. Делала она это как обычно в своей манере – громогласно и бесцеремонно.

– Эй, вы почто застыли-то, как вкопанные? И с чего это вдруг мы стали такими скромными? – обращалась она к этой не очень гармонизирующей парочке и делала мне в их адрес непонятные намеки. – Поль, ты их скромности-то не верь! Эти ребята себе на уме...

Дина мышью проскользнула в комнату и пристроилась за шкафом, изучая обстановку из засады, а Дима так и остался стоять в дверях. Все гости поначалу вели себя чинно, как и подобает посетителям, которые являются с благородной миссией проведать страждущих. Видимо, их смутило наличие непустой больничной койки и примыкающего к ней стула, застеленного стерильной салфеткой и заставленного невероятным количеством склянок, банок с полосканиями, упаковок с таблетками, притирок и примочек. Но больничная атмосфера сохранялась в доме считанные минуты. Друзья освоились быстро.

– Очень приятно, проходите, садитесь, – лепетала я, ста-

раясь следовать правилам хорошего тона, хотя, честно говоря, особой приятности не испытывала.

Чего уж тут приятного, когда незваные гости, в числе которых молодые парни, застали тебя врасплох? Причем, абсолютно не в форме: неумытую, непричесанную, в пропотевшей насквозь мятой фланелевой рубашке. Да еще вокруг шеи обмотана дурацкая повязка – мамино «гениальное» изобретение, сложенное из шерстяной Иркиной кофты, ввиду отсутствия в доме хоть какого-нибудь завалящего шарфа.

Одно дело – свои. Оказывается, я уже причисляю Алену и Костю к своим! По крайней мере, их я почему-то не очень стеснялась. И совсем другое дело – эти загадочные землячки. Во взгляде Дмитрия присутствовало что-то такое, от чего мне все время хотелось съежиться. Дина, напротив, на меня не глядела, зато шныряла любопытным взором по комнате, будто чего-то выискивала. Хотя, чего интересного здесь можно найти? Стены казенные. Мебель стандартная. Домики все одинаковые...

На полуслове я резко закашлялась. Реакция Алены последовала незамедлительно: она уже сидела рядом на краешке постели и протягивала мне стакан воды. Другие тоже переместились поближе и столпились у кровати. Костя выкладывал из пакета на стол гостинцы: бутылку лимонада Дюшес, коробку монпансье, какую-то сдобу в промасленной обертке и комментировал:

– Это от всех. Тут пирожки с яблоками и ватрушки. Баба Шура постряпала. Ешь. Еще, теплые.

– Большое спасибо. Я с удовольствием, как только аппетит появится.

Алена взяла жестяную банку и играючи свернула ей голову, крутанув крышку до положенного щелчка.

– Тогда конфетки бери. По себе знаю, когда болеешь, всегда кисленького охота. А больше и вправду ничего в рот не лезет.

– Я люблю сосательные, – вежливо и слабо благодарила я друзей, польщенная их заботой.

Димка вцепился в спинку кровати и не сводил с меня глаз. Что за удовольствие – изучать практически недвижимый объект? Меня бросило в жар. Наверное, опять температура подскочила. Какого черта так пялиться? Я натянула одеяло по самые уши. Кажется, именно такой блуждающе-беспардонный взгляд и зовется в народе «раздеванием глазами». Нет, видно не случайно Аленка бросила камешек в Димкин огород, брякнув что-то по поводу его сомнительной скромности, когда гости еще только входили... Молодой человек водил взглядом от моего пылающего лба до укутанных пяток, застревая на определенном отрезке. Я даже про себя усмехнулась: кривизну моих ног, мирно покоящихся под одеялом, что ли, оценивает? Правда, в следующий раз он уже наткнулся на препятствие в виде согнутых коленей и, заме-

тив мою едкую ухмылку, густо покраснел... Значит, мне не показалось: он действительно пытался раздеть меня глазами! «Бредятина... Зачем ему это надо? Может, все-таки дело не в нем, а во мне? Может, у меня паранойя, а вовсе никакая не ангина?» – одолевали меня туманные сомнения. Однако наблюдатель смущался недолго. Он подмигнул мне, в черном зрачке его вспыхнул огонек, будто у него в глазу чиркнули зажигалкой, и... опять вперился в мое закамуфлированное тело. На этот раз я не могла ошибиться: в его взгляде была страсть!

Костя и Алена спорили между собой. Абсолютно ни о чем.

– Завтра бегать будешь, вот посмотришь! – с оптимизмом заявил мне Костик. – Вот и Ленка говорила, что на тебе все как на собаке заживает.

– Дурак! Я такого в принципе не могла сказать о пациенте.

– Какой мне смысл сочинять? Сама же так выразилась.

– Я сказала только, что у Полины заживляемость ран хорошая, на глазах все затягивается.

– Ну, я и говорю. Как на собаке!

– Отстань. Про собаку я не говорила...

Вмешался Димка, ни на секунду не отрываясь от своего основного занятия – созерцания полуживой обитательницы скомканной постели:

– Эй, может, хватит? Вот удовольствие хворой – слушать вашу сказку про белого бычка. Вы что, не понимаете – девочку и без того ветром качает...

И в его очах, мерцающих каким-то потусторонним ультрафиолетом, в тот момент промелькнуло нечто, похожее на материнскую нежность.

– Гляньте, он нам замечания еще будет делать! Ты, Дим, вообще лучше бы помолчал! – возмутилась Алена. – Между прочим, если бы не твои бесноватые эксперименты, Полина, может, и не заболела бы. Босиком по сырой земле побегай-ка!

Я не могла понять. Что случилось с ними? Их всех будто подменили. Не было больше той задушевности в компании, и не казались они мне больше такими дружными, как вчера. Вот и Алена даже как-то странно сегодня причесалась: она заплела косы где-то на макушке, и теперь они воинственно торчали у нее в разные стороны. Если бы мне вздумалось сейчас сравнить ее с озорной и доброй девочкой Пеппи, по фамилии Длинный чулок, то у меня вряд ли получилось бы. Никакого сходства, кроме прически. Ни веселости, ни задора от Пеппи в нашей Алене сегодня не было ни на грош, зато необъяснимой агрессии – хоть отбавляй! К спору о том, кто виноват в моей немочи, подключились Дина и Дима... Динка, естественно, кричала: «Она сама виновата! И нечего тут...», а вот что кричал Димка, я уже совсем плохо понимала: кажется, он брал вину на себя... Наконец, Костя почувствовал, что бесконечные препирательства больной не в радость, и решил собрать их всех в одну кучу:

– Слушайте, да прекратите вы уже! Давайте лучше нашу

поездку обсудим.

Они стали наперебой обсуждать поездку на Саяно-Шушенскую ГЭС, запланированную ими на послезавтра. И перекрикивать друг друга, и спорить, кто чаще там бывал, и хвалиться, кто из них лучше знает, как туда добираться. Как маленькие...

– Полина, надеюсь, ты с нами? – резко прервал их спор Костя, заметив, что я совсем заскучала.

На самом деле от этого гама у меня просто раскалывалась голова.

– Вряд ли, – хрипя, как испорченный динамик, еле пролепетала я, – меня родители, наверное, не отпустят.

И тут из тени, вернее, из-за шкафа вышла Дина:

– Да уж. Адекватные родичи точно не поймут. Если в такую даль намылилась, тогда какого рожна всю дорогу умирающей лебедью притворялась?

В ее реплике я не услышала дружеской поддержки. Глаза были холодными, пустыми и отливали цветом темного бутылочного стекла.

Почуяв, что перебрала, Динка равнодушно бросила:

– Не подумайте: мне вообще пофиг, кто поедет... Просто я выразила свое личное мнение: больная, так болей! Знаешь, по-моему, тебе не стоит с нами ездить.

С какой стати она мне советует? Ведь я едва ее знаю. Не терплю, когда на меня кто-то давит.

«Поеду!» – решила я.

Открытая жестянка отчего-то сильно притягивала гостей. То и дело кто-нибудь из парней подскакивал и нагребал себе горсть разноцветных, пахнущих букетом фруктовых эссенций, леденцов, запихивал в рот, при этом каждый продолжал что-то доказывать товарищам. Димка перестал пожирать меня глазами и теперь с тем же успехом пожирал конфеты. Алена хлопала плутов по рукам и пыталась образумить:

– Э! Куда! Хватит угощаться-то. Это больной.

Сама же при этом, не жалея своих белых зубов, с хрустом разгрызала желтую прозрачную монпасьешку, распространяя по комнате ярко выраженный цитрусовый аромат – довольно искусное подражание запаху настоящего лимона.

Дина, по-прежнему шныряющая взглядом по всем углам и стенам, победно окинув взглядом присутствующих, радостно сообщила:

– А картина-то висит криво! Вот!

Словно та въедливая ревизорша, что, наконец-то, в ходе строгой проверки выискала-таки серьезное нарушение, и теперь душа ее разыграла от невиданной удачи.

– Криво – так поправь, – раздраженно порекомендовала ей Алена, совершенно не разделяя ее восторга.

– Не... кто-нибудь другой пусть. У меня маникюр! Муха, давай ты.

Возможно, Дина, действительно не любила диспропорций, может, и правда не выносила беспорядка в доме, но мне думается другое: сейчас ей любыми путями нужно было ото-

рвать своего Диму от этой жалкой симулянтки Полины, к которой ЕЕ парень вдруг начал проявлять странный интерес.

У нее получилось. Дима сразу отлепился от моей кровати и от коробки с леденцами, живо подскочил к раме и стал совсем неделикатно, в присущей ему резкой манере ворочать, наклонять и тягать картину в разные стороны, стараясь выровнять ее относительно плинтуса и линии потолка. «Эй, эй, уважаемый, поосторожней с моей Седой Заимкой!» – встрепенулась я, намереваясь, было, осадить горе-помощника, но не успела... Тонкая бечевка, на которой держалась картина, не выдержала столь небрежного обращения и лопнула, издав звук, похожий на щелчок в суставе. Тяжелый фанерный планшет ухнул вниз, краем зацепив графин на столике: все это загромыхало, затрубило, заскрежетало, посыпалось, зазвенело, словно какой-то стихийно образовавшийся оркестр сыграл мимолетную оглушительную какофонию. Мне подумалось, что у меня сейчас взорвутся мозги.

Костик тут же поспешил на помощь Диме и, неуклюже повернувшись, своротил микстуру от кашля. Еще не легче! Резиновая пробка с тугим чмоком выскочила из бутылки, тягучий сироп пролился на «аптекарский» стул и закапал рядом весь пол. В комнате повис резкий, до боли знакомый запах нашатырно-анисовых капель, с детства вызывающий у меня неприятные ассоциации с моими вечными простудами.

Да... Прямо скажем, так «весело» я еще никогда не бо-

лела... Когда вернулись мама с папой, ор стоял такой, что у меня голова уже гудела, как чайник со свистком, который вот-вот закипит.

– Что за шум, молодежь? – громко спросил папа, и от неожиданности все резко замолчали.

– Здравствуйте, – тоненьким голоском пропела Алена, не поднимая головы. – Вы нас извините, мы и вправду что-то разошлись. Не волнуйтесь, мы уже уходим, – и рявкнула: – Быстро все на выход!

– Полина, ты все-таки подумай над нашим предложением. Ты по-любому должна поправиться к послезавтра, – напомнил Костя, словно давая мне установку на выздоровление.

– Хорошо, я подумаю.

И они удалились.

– Быстро все на выход! – картинно нахмутив брови, очень похоже и очень смешно передразнил папа Аленку. – Это что за генеральша с косицами?

– Это Алена. Вообще-то она – Лена, но хочет, чтобы все ее звали Аленой.

– Понятно. Бой-девка! А остальные? Как, ничего ребята?

– Нормальные.

– Вот и хорошо. Все, дочь, давай, отдыхай. Утомилась ты от этих дружественных визитов, я гляжу...

После обеда все угомонилось. Иринка засопела, свернувшись в клубочек на своей кровати под простынкой. Папа с мамой тихонько переговаривались, уверенные, что я тоже

крепко сплю:

– Не могу понять, Володя, что с ней. Болезнь, или просто переходный возраст, – сказала мама встревожено.

Речь, конечно, шла обо мне. Я еще крепче зажмурила глаза.

– Да? Я считал, что мы это уже проскочили. А что случилось?

– Она утверждает, что переписывается с неким Алексеем.

– Ну и что? Самое время завести друга по переписке. Когда еще переписываться с мальчиком, как не в шестнадцать лет?

– Но ведь на конвертах нет никаких штампов и адреса. Только имя. Алексею и все тут. Да и писано все одной, нашей же красной шариковой ручкой.

– Ты хочешь сказать, что она ведет переписку сама с собой?

– Вот именно! Я тебе и говорю!!!

– Может, безответная любовь? – предположил папа. – Поэтому и ипохондрия в последнее время случается?

– Точно. Ведь вчера она в бреду все звала его, Алексея этого. Бедный наш ребенок.

– А мне так не кажется. Смотри, опять друзей полон дом. Не успела познакомиться, а уже проходной двор.

– Да. Неплохо, что она у нас такая общительная.

– Не знаю, я как-то за свою дочь спокоен. Главное, в ней стержень есть.

– Я, в общем-то, тоже. Только не верится, неужели наша маленькая дочечка уже может влюбиться без памяти? Знаешь, вот сейчас заболела, а у меня перед глазами все стоит она, маленькая, слабенькая, в пижамке с котиками, вся зеленкой перемазанная. Помнишь, отец, как тяжело тогда Поля ветрянкой переболела?

– Конечно, помню.

Как же они меня любят! Мои золотые! Мне стало вдруг так уютно. И лихорадка прошла, и захотелось прижаться к маме, и заснуть сладко-сладко, и увидеть сон, радужный и счастливый, какие бывают только в детстве. А еще я думала: «Интересно, как правильно будет: эпохондрия или ипохондрия? И вообще, эта самая «эпохондрия» – это все-таки диагноз или больше состояние души?» – и тут же поймала себя на мысли, что для тяжелобольной рассуждаю вполне здраво.

Кажется, мне полегчало.

Глава 4. Экскурсия

Случилось ли чудо? Определенно, что-то случилось... Утром я почувствовала себя, будто только что на свет народилась. Проснувшись затемно, все еще спали, и стала прислушиваться к себе. Молоточки в голове не стучат. Сглотнула – вроде не больно... И жажда больше не мучает. А что же тогда мучает? Вдруг воображению предстала плоская тарелка с горячей манной кашей: по краям растеклась радужка из янтарного масла, а по центру тоже кубик того же маслица, только пока еще твердый, чуть подтаявший снизу. А на нем капельки воды. И бутерброд с пластиком ноздреватого сыра замаячил в сознании. С ума сойти, до чего аппетитно! Голод. Вот, оказывается, что меня беспокоит. А больше, пожалуй, ничего. Я здорова?!

Я встала. Накинула халат. Тихонько вышла на улицу, прихватив полотенце. С наслаждением вдохнула, втянув в себя вкусный воздух... Легкие расправились и заполнились натуральным кислородным коктейлем, вытесняя без остатка всякие остаточные бронхиальные явления.

Осмотрелась... За нашим корпусом громоздилось неэстетичное сооружение, крашеное грязно-голубой краской, которое выполняло роль умывальника. К вытянутому ручному, чем-то похожему на кормушку для парнокопытных, территориально была прикреплена наша семья и оби-

татели ближайших домиков. Вода с привкусом железа оказалась просто ледяной, но зато я получила ни с чем не сравнимое наслаждение. Потом я нещадно растерла полотенцем лицо, шею и уши, и кожа запылала здоровым жаром. Как хорошо! Я больше не болею!

Кое-как дождавшись пробуждения близких, я убедила маму, что чувствую себя просто замечательно. В доказательство было представлено мое животное чувство голода. Пока родные спали, я слопала две подсохшие ватрушки из вчерашней передачи, вытаскала все печенюшки и схрустела оставшиеся леденцы. Мама поверила, и мы с Иринкой отправились за завтраком.

В столовой уже собирался народ. Сладко пахло горячим какао с молоком и вообще – вкусным завтраком. На раздаче была очередь. Мы пристроились в хвост, и в суете я не сразу увидела Димку, стоящего далеко впереди. Он первый нас заметил и громко позвал.

– Эй, девчонки, подгребайте ко мне.

Я замешкалась, опасаясь, что из-за меня собьется очередь. Тогда парень схватил меня за руку и перетаскил почти к самому раздаточному окну. Ира, цепляясь за меня паровозиком, очутилась рядом.

В толпе начали возмущаться, мол, молодая, могла бы и постоять. Но Дима быстро подавил нарождающийся бунт. Надо заметить, в довольно дерзкой форме:

– Чего орать? Тут вам не глухие! Я, между прочим, на

них еще с семи утра занимал! – А мне шепнул: – Дуреха, напомнила б им всем, что с детьми без очереди.

От его напора я растерялась и не знала, благодарить кормильца или послать куда подальше.

– Неудобно как-то.

– Забей! Неудобно только спать на потолке... Фигня, переживут, – небрежно бросил Димка.

Экий ухарь!

Мы уже стояли вторыми, когда он вдруг придвинулся и жарко шепнул мне в ухо:

– А ты мне сразу понравилась. Еще там, на концерте, – и тут же переключился, командуя на всю столовку: – Давайте сюда свои черепушки!

Я ошарашено подала ему кастрюльки, а Ира – пустой чайник. Нас с сестрой быстро обслужили, а Диме еще долго отпускали положенные порции: на кухне произошла какая-то заминка. Глупее ситуации не придумаешь. Вроде получили свое, можно и отчаливать. А спасибо сказать? Все-таки, столько времени сэкономили. Хотя лично я не напрашивалась на внеочередное обслуживание. Мы стояли с сестренкой у выхода в раздумье: уходить, не уходить?

– А вот и я! Заждались? Представляете, на мне как раз сардельки закончились. Пока отварили, пока то, да се... Сегодня завтрак – ништяк!

– Дим, спасибо большое. Мы пошли.

– Вам спасибо, что не убежали, – Димка приглушил го-

лос: – А я тебе нравлюсь?

– Ненормальные какие-то вопросы с утра пораньше, – ответила я нейтрально, на всякий случай, ускоряя шаг.

Маньяк какой-то! Ира семенила, но не отставала. Димка тоже прибавил ходу.

– Вот и я говорю, с утра несподручно как-то. Давай лучше вечером встретимся и поговорим. К примеру, у аллейки, что к шахматной беседке ведет...

– Нет, не встретимся!

– Почему? Ты же выздоровела вроде.

– Я что, неясно сказала? Нет!

Все-таки неплохо, что у меня в записке имеется печальный опыт общения подруги Сони с самоуверенным существом подобного типа. Только, пожалуй, Никитка куда терпеливее и обходительнее. Он за Сонькой хотя бы как-то ухаживал. А этот – уж совсем без тормозов.

– Ну что ты, Польша, будто деревянная?

– Какая есть.

Тут Ира, видимо, поняла: что-то идет не так, пора сестру выручать, и осведомилась, попав не в бровь, а в глаз:

– А где ваша Дина? Вы ее уже насовсем бросили?

– Не знаю, девочка, – вскользь бросил Дима, просто чтобы отвязаться от ребенка.

Ирка такого наплевательского отношения к себе не потерпела и отважно заявила:

– Значит, вы поганец. Все, кто бросают женщин – поган-

цы!

Он заржал. Ему, похоже, было плевать, что он такой бяка.

Мама встречала нас у входа солнечной улыбкой и, перехватывая у нас котелки, доброжелательно приглашала:

– Доброе утро, молодой человек. Проходите, не стесняйтесь... Полина, Ирина, что-то вы долго сегодня?

– Здравствуйте... Не представляете, какая там очередина! – отвечал за нас гость, и в своей обычной манере, без всякого перехода, непринужденно спрашивал мою родительницу:

– Вы ведь со мной Полину отпустите погулять? После болезни ей просто необходимо дышать свежим воздухом...

– Конечно, отпущу! – расплылась мама, не замечая, что секундой ранее вот этим «милым» пареньком на нее было оказано неслабое давление.

– Лично вам, молодой человек, я действительно доверяю.

Во как! Он и маму мою уже если не очаровал, то втесался к ней в доверие. Прохвост какой-то.

– Ну что, тогда до вечера? – он схватил мою ладонь и больно сжал.

– Нет! Я же сказала!

И резко вырвала руку.

– Посмотрим. Ладно, пока, девчонки.

И пошел прочь, весело насвистывая. Самонадеянный нахал!

Однако аппетита мне не мог испортить никакой Дима с

его бесстыжими приставаниями. Мама хлопотала у стола, раскладывала макароны и сардельки по тарелкам и разливала по кружкам уже остывшее какао. Наконец-то я поем всласть.

– А он симпатичный парень, этот твой Алексей, – заметила мама с благодостной улыбкой на устах.

Я в этот момент пыталась расправиться с сарделькой и от неожиданности резко проткнула вилокй надутую оболочку. Брызнул вкусный пахучий сок. Капли разлетелись во все стороны, и попали мне на олимпийку. Еще и Ириному фланелевому платицу досталось. Мы уставились с сестрой друг на друга и одновременно категорически заявили:

– Это не Алексей!

А я еще я добавила оскорблено:

– Мама, ты глубоко заблуждаешься.

– А кто же?

– Это Дима, поганец! – без запинки выдала сестренка. – Вы что, его совсем не помните? Он же только вчера к нам приходил.

– Нам он не представлялся, – обескуражено пробормотала мама.

– Дочка, почему же он поганец? Вроде, парень как парень, – удивлялся папа.

Не хватает, чтобы родители выслушивали Иркину теорию о брошенных тетеньках и замене на молодых тех, что подбирают на помойке. Еще подумают, в моей новой компании

творится сущий беспредел. Я не дала сестре развивать дальше ее «мудрые», отнюдь не детские мысли.

– Он просто мне не нравится. А Ира разделяет мои взгляды.

– И все же... Не стоит так грубо о человеке, – рекомендовал папа.

А мама погрозила мне пальцем:

– Я тебе! Каким словам ребенка учишь?

Ладно. Пусть думают, что это мое воспитание, и этого пресловутого «поганца» я Ирке навязала. Мне вообще придется какое-то время со всем соглашаться. Я должна быть послушной. Опасение, что меня могут не отпустить с друзьями, было велико. Поначалу, вроде, неясное желание отправиться с ними на Саяно-Шушенскую ГЭС превратилось в навязчивую идею. Видимо, сказались два дня полной изоляции от мира.

– Пап, когда у нас там следующая экскурсия намечена? – закинула я первую удочку.

Не ожидающий подвоха папа охотно вынул из кармана сложенный вчетверо листочек.

– Так... Следующая, говоришь? Собственно, она и последняя. Вот, читаю: «Экскурсия на самую крупную в мире ГЭС и посещение Черемушек, современного города молодых строителей». Получается, за два дня до нашего отъезда. Автобус от столовой отходит в пять утра. Желающие должны записаться заранее. Хорошо, что ты напомнила, Полина.

Сегодня же пойдем, запишемся.

– Замечательно, что на следующей неделе. Поинка к тому времени совсем окрепнет, – мечтательно молвила мама.

– Но я уже окрепла! – выдала я себя, отреагировав слишком резко.

– Поля, я тебя умоляю. Что опять задумала? Тебе поберечься надо. Вчера еще с температурищей валялась.

– Ну, мам...

– Давай-ка, дочь, посвети нас в свои планы, – настойчиво попросил папа.

– Я с ребятами хочу завтра поехать. Мы сами, без гйда хотим. Ну, это как настоящий поход получается.

– Папа же читал. Вот же, черным по белому написано: в понедельник состоится экскурсия на ГЭС, – изящным пальчиком тыкала мама в отпечатанный на машинке текст.

– Поедешь с нами, все увидишь, экскурсовода послушаешь. В любом случае от организованной поездки больше пользы...

Только держать себя в руках и не скатиться до Иркиного глупого упрямства. Сестра в подобных ситуациях тупо гундит: «А я поеду! Все равно поеду!». Только толку-то от ее нытья...

– Подождите, вот послушайте. Вы сами учили меня самостоятельно принимать решения. Я и приняла. Сегодня я выбираю поездку с друзьями. Не обижайтесь, ладно? Но мне надо поехать с ними. Для меня это действительно важно! –

я изо всех сил пыталась оставаться внешне спокойной, но убеждала родителей довольно напористо, выдвигая ряд веских аргументов в пользу поездки: – Во-первых, в условиях похода всегда лучше узнаешь попутчиков; во-вторых, ребята уже сто раз там бывали и просветят меня не хуже любого экскурсовода; а в-третьих, до отъезда уже не так много времени осталось, а мне так хотелось с хорошими людьми подольше пообщаться...

Конечно, я в большей степени апеллировала к отцу.

– Ну, если с хорошими... – практически дал он свое согласие.

– Баламутка ты, Поинка. А... Делайте, что хотите, – сказала мама, безнадежно махнув рукой, и строго предупредила: – Только разок кашляни мне! Я тебе тогда устрою поход. Будешь взаперти сидеть до самого отъезда.

– Я согласна, мамочка. Сколько прикажешь, столько и буду. Могу вообще потом безвылазно дома сидеть! – кинулась я ей на шею.

– Нет, чтобы пообещать матери больше не кашлять, – проворчала она.

– Клянусь больше никогда не кашлять!

В носу в этот момент предательски защипало, и я чихнула так сильно, что листок с расписанием экскурсий улетел со стола, а Ира, до сих пор безучастно ковыряющая сардельку, от неожиданности подскочила на стуле.

– И не чихать! – уже смеясь, продолжала диктовать свои

условия мама.

– Есть, не чихать!

Я уже поняла, что добилась своего.

...Почему меня тянуло в эту поездку, как магнитом? Новые места? Безусловно. Но ведь я с тем же успехом могла посетить те же самые места, только чуть позже, с родителями. Новые друзья? С ними занятно. Они уже много повидали. Я пока не очень-то вписываюсь в их компанию. Вот совершу с ними коллективный вояж, и у меня тоже будет право на общие с ними воспоминания.

Но если уж быть до конца честной, в голове кроме всего прочего, крутился вопрос: «Что за странная субстанция эти неразлучные Дима-Дина?» Алена говорила о них: «С этой парочкой – вопрос решенный. Они – не разлей вода на веки вечные». Тогда как объяснить неадекватное поведение Димы сегодня утром? Посмотрим, как заезжит этот сластолюбец в присутствии своей подружки. Пусть только намек сделает на то, чтобы за мной поволочиться, уж я-то живо поставлю его на место! «Хотя, по мне лучше, чтобы они вообще не поехали. Нам с Аленкой и Костей спокойней. Прекрасно обошлись бы и без них», – пожелала я в душе, но тут в памяти возник образ Димки, чертовски трогательный в своем детском желании непременно всех поразить. И ведь наколдовал же тогда этот выпендренчик Высшую Силу! «Надо же, Муха, и в кедах!», – пришло на ум абсолютно нелепое со-

четание. Мне вдруг стало весело, и я тихонько рассмеялась. Да... Видно, добрые духи там, у реки, нас посетили, раз у меня осталось столько позитива от той ночи!

После завтрака семья удалилась на прогулку. Я села за стол писать письмо Алексею. Остался лишь один конверт. Последние чистые эта паршивка все же прибрала к рукам.

– Полина, ты как там, живая? – кричала с улицы Алена.

Я отодвинула занавеску.

– Еще какая живая! Заходи, – обрадовалась я.

– А я твоих видела. Они всегда так дружно по аллейке прогуливаются. Любо-дорого смотреть. А сестренка у тебя – прелесть. Я таких красивых детей еще в жизни не видела.

– Она у нас еще и умная, – добавила я с гордостью, чтобы Аленка не подумала, что наша Ирка просто красивая дурочка.

И опять про себя отметила сходство Алены с Соней. Та вечно пребывает в восторге от моей сестрицы.

– Мы с Костиком план придумали, как тебя на завтра у родителей выманить.

– Могу тебя обрадовать. Меня уже отпустили!

– Вот и хорошо. А то мы уж хотели Димку к твоим подослать.

– Это зачем еще?

– Как – зачем? Димка, он ведь и мертвого уговорит! Он бы твоим предкам популярно объяснил, что без этой поездки ты по-настоящему так и не познаешь всех красот сурового

Сибирского края...

– Нет, только не это! Не надо Димку! – нечаянно вырвалось у меня, причем мой законный протест сопровождался нотками излишней истерии.

В общем, я себя выдала.

– О! – округлила глаза Алена. – Ты что-то против него имеешь? Зря. Ты его просто плохо знаешь.

– Вот именно, что совсем не знаю.

– Напрасно ты, Полина, так категорично против Мухи настроена. Димон вообще-то...

Я поспешно ее перебила, с усилением меняя тон с пронзительного на сдержанный, скорее даже на безразличный:

– Алэн, а что он за человек?

– Как тебе сказать? По крайней мере, в походах не раз себя мужиком показывал. Согласись, уже немало! А еще он очень быстро людей к себе располагает. Например, моя мама о нем говорит: «Твой Димка своей харизмой убьет любого», – она пожала плечами. – А так, парень как парень. Настырный только.

– Я заметила. А Дина?

– Динка, она хитрая. Не знаю, врет эта бестия или нет, будто ее родная бабка приворотным снадобьем всех жителей в округе снабжает и, якобы, девчонка своего ненаглядного этим зельем однажды и опоила. Только, вроде, давно уж это было, ну, еще там, в «ихнем» городе. В вашем, то есть...

– Вот чушь! – не поверила я.

– Чушь, не чушь, а с Димкой у них все серьезно. Я тебе по секрету скажу, – Аленка сделала глуповато лицо, по-бабьи вздохнула и многозначительно сообщила: – Живет ведь она с ним!

– Как это? – опешила я от таких откровений.

– Ты что, маленькая что ли? Как взрослые живут. Ну, спят они вместе.

– Откуда ты знаешь?!

– Динка сама трепалась: «Совратил, – говорит, – малолетку, теперь никуда от меня не денется». Димке-то уже восемнадцать.

– Дурная что ли эта Дина? Нафига языком о таких вещах распространяться?

– Не говори. А этот тоже хорош! Мой Костя, например, меня бережет, пальцем не трогает. Ну, пообнимаемся когда, поцелуемся чуток – и будет. А этот, блин, самец! Говорю ж тебе, настырный он.

У меня было чувство, что мне рассказали похабный анекдот. Вроде бы надо похихикать, но с души воротит. Меня даже стало подташнивать. Ехать совсем расхотелось. Отношения новых знакомых меня покоробили. Если у них любовь, тогда другое дело. Но я ведь видела: нет там никакой любви! Как им только не жалко свои души калечить!

Алена увлеченно продолжала характеризовать своих героев, хотя я ее об этом не просила:

– В общем, та еще парочка. Хотя не очень-то они друг

другу и подходят. Димка по натуре задира и вообще живой сгусток энергии, а Динка по сравнению с ним – вся какая-то вялая и клеклая. Как амеба.

Мы сплетничали, а на душе становилось все поганей. Мне вдруг нестерпимо захотелось написать Алексею и попросить его, как просил когда-то Ванька Жуков своего дедушку Константина Макарыча: «Милый Лешенька, возьми меня отсюда, терпеть больше нету никакой моей возможности...».

– Полина, Полина, ты чего? У тебя лицо бледное, как у покойника, – испуганно трясла меня за плечо Алена.

– Что-то нехорошо.

– Может, и правда, тебе лучше завтра не ехать? Слаба ты, видно, еще.

– Нет. Поеду, – сама не понимая почему, уперлась я.

...Сначала мы на автобусе добирались до пристани, а оттуда до плотины по воде на катере на подводных крыльях – поездка оказалась не просто интересной, а невероятно впечатляющей! Всю дорогу я с замиранием сердца пыталась представить, как может выглядеть самая высокая в мире плотина, и боялась испытать разочарование. Как раз вчера мама со смехом вспоминала свою прошлую экскурсию в Шушенское и подтрунивала над собой. Пока их везли на Думную Гору, откуда Ильич якобы взирал на бескрайние просторы и думал думу о великом переустройстве мира, мама представляла себе нечто монументальное. А на деле гора оказа-

лась небольшой возвышенностью в чистом поле. Причем из-за дождливой погоды родители так не разглядели вдалеке обещанных им заснеженных вершин Саян. То же вышло и с другими горками Журавлиной, и Песчаной. Два крошечных холмика в сосновом бору. После этого мама уже не питала иллюзий насчет эксклюзивного шалаша на озере, в котором вождь всегда отдыхал, утомившись на охоте.

Когда рассаживались, возникла небольшая заминка. Кому с кем садиться? Я была лишней в их компании. Положение спас Дима. Он предложил: «Динок, давай, прыгай к водителю в кабину. Я бы с удовольствием сам там прокатился, обожаю, когда ветер в лицо и обзор хороший, но раз тебя укачивает...».

Аленка пустила меня к окошку, а парни сели сзади. Пока мы ехали, Димка изучал меня со спины, отчего у меня горели уши, а Алена мешала мне сосредоточиться. То угощала всех бутербродами со шпротами, доставая их из бездонной плетеной сумки-корзинки, и настойчиво делилась со мной рецептом их приготовления. То, предвосхищая события, описывала, какая красота нас ждет впереди. То клялась, что я никогда не пожалею о том, что с ними поехала. Я и не пожалела.

Мне еще ни разу не доводилось кататься на Ракете. Это такое скоростное судно, легкое, стремительное и очень комфортабельное. Казалось, что наш теплоход летит по возду-

ху, не касаясь воды. Я прилипла к окну и через хрустальные брызги, сопровождающие катер, вбирала в себя постоянно меняющиеся виды берегов. Вот она – могущественная природа Сибирского края во всей красе! Скалистые берега, высокие горы и бескрайнее водное пространство. Теперь я понимаю, почему Енисей-батюшка. Эту Реку нельзя не уважать за ее мощь. Мы приближались к цели. И вот нечто космическое возникло впереди. Неужели это дело рук человеческих? Вот это масштаб! Костя что-то кричал мне в ухо по поводу технического совершенства гигантской постройки и ее пропорций, но меня не интересовала техническая составляющая. Меня захватила красота плотины, если можно говорить об эстетической стороне сугубо инженерного объекта. На фоне бирюзовой воды, в створе зеленых гор плотина казалась мне каким-то гигантским дворцом с белыми мраморными колоннами из фантастического романа о пришельцах.

Потом восторженность от шокирующего зрелища сменилась умиротворением, когда мы гуляли по удивительно уютному городку, окруженному синими горами. Костя сказал, что это город гидростроителей и эксплуатационников. Костя вообще больше всех знал и про ГЭС, и про Черемушки. Выскочка Дима попытался затеять спор, доказывая, что Черемушки никакой не город, а всего лишь поселок городского типа. Но спора не получилось. Костик сразу с ним согласился и честно признался, что намеренно хотел преувеличить статус Черемушек. Из гордости. Оказалось, он родился в этих

крях. Это уж потом они переехали в Красноярск.

...Мы побродили по поселку и с удовольствием присели отдохнуть на скамеечке рядом с центральной площадью и памятником героям войны. Я любовалась ухоженным сквером: безупречно подстриженными газонами, молодыми рябинками и березками, насаженными вдоль аллеи, и роскошным пестрым цветником. Вроде бы солнышко припекает, и сочные краски лета все еще радуют глаз, но в воздухе уже чувствуется еле уловимый запах осени. Или здесь, в горах, смена времен года происходит быстрее?

Алена блаженно прикрыла глаза, подставляя лучам лицо:

– Ой, до чего здесь хорошо! И как же я устала.

– Хорошо, – согласился Дима, – только жрать охота. Как насчет бутербродов? Надеюсь, не все еще слопали?

– Вот не дадут ведь человеку спокойно посидеть, – добродушно ворча, полезла в свою сумку Алена. – Однако три штуки еще осталось и, похоже, все с сыром. Со шпротами-то еще в автобусе на ура ушли.

– Так. Бутерброды девчонкам на обратную дорогу, – распорядился Димка. – Вашим сыром даже червяка не заморишь. Предлагаю пойти, как людям, поесть в нормальной столовой.

Костя засуетился, приглашая, будто был старожилом поселка:

– Айда, я одну столовку знаю. Там местных на убой кормят. И недорого совсем. Пятьдесят копеек обед.

В рабочую столовую ввалились веселой гурьбой, ободренные запахами еды. Я взяла чистый поднос на раздаче и встала в очередь за Аленкой и Костей. Дима-Дина пристроились за мной. Из богатого ассортимента блюд я без раздумья выбрала себе салатик «Витаминка», ароматный супчик из сухих опят, румяную котлетку с горкой картофельного пюре, и клюквенный киселек, словом, как раз то, что всегда любила поесть на обед. Хорошо, что я сама себе хозяйка, и мне не надо ни с кем советоваться. Обе парочки по-семейному пытались обойтись одним подносом на двоих. В зале только и слышалось милое щебетание:

– Костик, тебе борщ или грибной?

– Салатик поешь, или тебе лучше винегрет?

– Возьми себе двойной борщ.

– Дим, рыбу мне не бери. Я минтая не ем. Мне тоже лучше цыпленка.

– Компот я на тебя взяла.

На кассе я намеривалась быстренько рассчитаться за свой комплексный обед и присоединиться к Лениному столику, но мне не дали. Я уже полезла в сумку за деньгами, как вдруг Димка обратился к кассирше:

– Посчитайте все вместе, – и кивнул на мой разнос и на свой, семейный, – не привык, знаете, когда дама в моем присутствии рассчитывается.

Кассирша с умилением глядела на рыцаря Диму. Естественно, я сразу начала выступать, что не нуждаюсь ни в

чьей заботе, и в состоянии расплатиться сама, но недовольная очередь ворчала и поторапливала. Был самый пик обеденного перерыва.

– С какой стати? – шипела сзади Дина.

Ее можно понять. Семейная идиллия разрушилась в одно мгновение.

Я была поставлена в жутко неудобное положение. Действительно, с какой стати? Пока мы рядились на кассе, к Алене и Косте уже подсели работяги в строительных, заляпанных краской, спецовках, и мне пришлось сесть за один столик с «отцом родным». Дина дулась и плохо ела. Я злилась. Зато Димка, упивался своим благородством и едой. Он уписывал борщ за обе щеки.

– Ты чего, Полина? Нормальное же все.

Мне хотелось гордо бросить ему что-то вроде: мне не нужны твои подачки. Но я сдержалась. Обидится еще. Надо думать, в целом он желал мне добра.

– Ты знай, я все равно потом тебе деньги верну.

– Лады. Раз такая принципиальная.

Пока мы обедали, мне удалось поближе разглядеть парочку. Димка увлеченно ел, обгладывал куриную ножку, насколько меня не стесняясь. Внешне так себе, ничего особенного, если не считать прически. Впрочем, прической буйную шевелюру вряд ли можно назвать. «Сказать ему что ли, что лохмы до плеч уже не в моде. Наверное, ему просто лень стричься, вот и оброс, как дикобраз, или просто не знает,

чем привлечь к себе внимание», – думала я с неприязнью и продолжала его разглядывать. Не красавец, конечно, но что-то есть. Нос крупный, картофелиной. Над верхней пухлой губой пробиваются редкие темные усики. А вот глаза красивые. Хоть и нагловатые, с вечной ухмылкой в зрачках. Тут я чуть не поперхнулась, потому что Димка, оставив на время свою тарелку, неожиданно резко вскинул веки, наткнулся на мой взгляд, и оживленно спросил:

– Ну, как тебе столовская котлета? Съедобная?

Я смешалась: «Вполне».

– А у нас второе, во! – выставил он свой большой палец. – Да, Динусь?

– Мне здесь ничего не нравится. Борщ кислый. Рис недодаренный. Кура жирная, – капризно скривила рот девушка.

– Начинается... – добродушно и привычно прокомментировал ее ответ Дима.

Теперь дошла очередь до Дины. А не надо было перед моим носом усаживаться! Я никого не просила. И вообще, я пожалела, что не подсела со своим стулом к Алене и Косте. В тесноте, да не в обиде. Вон у них как там весело, даже соседи по столу улыбаются. Костя, видимо, был в ударе, потому что после каждой его фразы парочка смеялась. Дина на каждый их смешок поворачивала голову, пытаюсь понять, над чем они потешаются. И вот что странно. В анфас девушка казалась довольно симпатичной, но в профиль! Очень портил ее нос, как у бабы-Яги, длинный и крючковатый. Фокус-по-

кус какой-то, как сказала бы Ира; прямо глядит – красotka, крутанет головой – страшилка. Вот почему тогда у меня в доме она напомнила хищную птицу. А глаза у Динки и вблизи – холодные и пустые.

– Что это на вас нашло? Устроили шум на всю столовую, – ревниво допрашивала она ребят, когда мы присели все на ту же лавочку, чтобы обсудить, куда нам податься дальше.

– Костя Высшую Силу припомнил. Как явилась она нам темной ночью. Да как заклинатель сам офигел и с катушек съехал. Да как в страхе все от нее бежали. Да как в штаны чуть не наделали, – радостно перечисляла Алена этапы нашей прошлой авантюры, и глаза ее бесовски горели.

– Зато почти в олимпийском марафоне поучаствовали! – с подъемом добавил Димка, который, видно, пребывал в отличном настроении после вкусного обеда.

Мне тоже не терпелось вклиниться в разговор и поделиться своими эмоциями. Уж теперь-то, учитывая сегодняшнее путешествие и совместно пережитое накануне приключение, имею я на это право?

– Не поверите, я до сих пор под впечатлением. Это непостижимо! Снег летом...

– Тебе-то, Полина, еще бы не впечатлиться! – возбужденно перебила меня Алена и стала с увлечением загибать пальцы: – Туфли порвала – раз! Ноги побила – два! Вдобавок умудрилась свалиться с гнойной ангиной!

– ... и с острым бронхитом, между прочим, – со смехом

дополнила я ее перечень.

– Да ты у нас, гляжу, прямо ветеран минувших дней и былых сражений. Вроде, все вокруг тебя только и вертится. Знаешь, тут и без тебя есть, кому байки рассказывать, – как-то уж очень обидно заткнула мне рот Дина.

А я еще, дуриха, ее оправдывала, дескать, настроение у девчонки не фонтан – бывает... Тут не настроение. Тут что-то другое.

– Дин, Дин, ты чего? – участливо склонилась над ней Алена. – Ты что, перегрелась?

– Мне нельзя долго на солнце, – голосом, который по определению должен был у всех окружающих вызвать чувство вины, заявила Дина.

И уже в срочном порядке из Алениной сумки извлекалась бутылка с водой и предлагалась косынка для покрытия Дининой больной головы, и остальные перебирались на другую скамейку в тень, «подальше от этого солнца». А про меня все забыли.

Обратная дорога не ознаменовалась ничем примечательным. На этот раз меня никто не отвлекал от моих сокровенных мыслей. Бутерброды были съедены. Алена сладко спала на моем плече. А я, пользуясь передышкой, прокручивала в голове события сегодняшнего дня, такого длинного и насыщенного, и сочиняла черновик письма Алексею. В нем я предавалась эмоциям от экскурсии, подробно описывала места, мелькающие за окнами и, конечно, настойчиво напо-

минала, как сильно соскучилась и как сильно люблю.

Глава 5. Синдром заканчивающихся каникул

Я решила начать новую жизнь. У меня всегда так: ближе к сентябрю меня посещает синдром заканчивающихся каникул. Скоро в школу, и не знаешь, хочешь ли ты приблизить этот знаменательное событие или век бы не видеть родной альма-матер. Кстати, в перевод этого слова меня однажды посвятила моя одноклассница Света Попова, худо-бедно знакомая с латынью. Оказывается, альма-матер означает – кормящая мать. При этом вольнодумная девчонка откровенно призналась, что для нее школа – скорее мачеха, чем мать.

Тревожно становилось на сердце и при мысли о тренировках. Ведь занятия в спортивной школе идут, а я сачкую. Совесть гложет, что совсем забросила спорт. Стрекозе, которая лето красное пропела, хорошо. Ее ничего не мучает, хоть над ней уже и капает. Ну, я же не стрекоза... Надо срочно что-то предпринять, пока еще есть время до начала учебного года, иначе втянуться в режим будет сложно. Вчера, вернувшись из поездки и поборовшись с собой добрых пару часов перед тем, как заснуть, я, наконец, определилась.

Утром встала, еще не было шести. Из родных никто даже не пошевелился: на зорьке ведь самый сладкий сон. При взгляде на уютно посапывающих родственников возникло

большое желание нырнуть обратно под теплое одеяло. Чтобы не искушать себя, пришлось быстренько заправить постель.

Надела кроссовки, спортивный костюм и совершила легкую пробежку. Сгоняла недалеко, лишь до батюшки Енисея, поздоровалась, и обратно. И все равно чуть не задохнулась. Вот что значит большой перерыв в занятиях и лень. Нет, дальнейшей деградации своей личности я не допущу! Настроение поднялось. Завтра я сделаю уже два круга, а то и три... А для первого раза вполне достаточно.

В доме все то же спящее царство. Иринка разметала свои буйные кудри по подушке и что-то шепчет во сне. Папа похрапывает, а мама сладко посапывает. Рука не поднимается их будить. Тем более до завтрака еще уйма времени. А мне чем прикажете заниматься? Не заваливаться же обратно в койку. Я решила не нарушать сонную идиллию, взяла недочитанную «Нину Камышину» и удалилась в сад.

Сада, как такового, естественно, не было, зато через три домика от нас размещалась детская площадка с горкой, песочницей и качелями. На эти крылатые качели я и присела. Вот блаженство-то! Тишина. Птицы поют. И никого... Я наслаждалась покоем раннего утра и чтением интересного романа. Плюс еще получала дополнительное удовольствие от легкого покачивания. Эх, еще бы чего-нибудь погрызть!

Я оторвалась от книги, по инерции продолжая раскачиваться. На улице наметилось некое оживление. В отдалении слышались голоса. У кого-то заиграл транзистор. Му-

слим Магомаев по-утреннему свежо и жизнерадостно исполнял песню про лучший город земли. Кто-то плюхался, гремя умывальником. Однако пора сматываться, а то уйдет, уйдет это прекрасное ощущение чистоты и первозданности утра! Я решила: завтра в это же время непременно приду сюда опять за положительными эмоциями. Не зря, все-таки, говорят: кто рано встает, тому Бог подает. Не успела в голове моей промелькнуть эта классическая и сто раз мною проверенная мудрость, как Он, отец небесный, тут же кого-то мне послал. Этот кто-то зашел со спины и закрыл мне ладонями глаза.

– Папа?! – первое, что пришло на ум.

Молчание.

– Аленка, ты что ли? – неуверенно спросила я.

Внутреннее чутье подсказывало: руки – не девичьи.

– Не угадала, это я, – явился мне довольный Димка с полотенцем на плече.

– Прямо Фигаро какой-то! Куда ни глянь – везде ты!

– Кто из нас еще Фигаро? Я, если что, вообще мимо шел, умываться. А вот вы, сударыня, что здесь делаете? Под носом у моего жилища и аккуратно напротив окна моей опочивальни.

– Я читала, – смутилась я.

– Это в восемь-то утра? Не смехи мои тапки.

Я опять было затормозила, не найдясь сразу, что ответить, но вдруг разозлилась на себя: чего я мямлю, и почему я во-

обще должна перед кем-то оправдываться? И перешла в наступление.

– С чего это ты такой цветущий? Рад, что застал меня врасплох?

– Просто тебе безумно рад, – не раздумывая, брякнул он, а глаза насмешливые и колкие.

– Ты про должок-то не забыла?

– Ой! У меня с собой денег нет.

– Это понятно. Ну что ж, вечером встретимся и вернешь.

– Хорошо. Куда принести?

– В-о-о-н тридцать первый домик, видишь? Рядом с пожарным щитом. Запомнила?

– Да уж как-нибудь...

– Вот и хорошо! В восемь заходи. Я ждать буду.

– Как скажешь, великий Комбинатор, – без улыбки пошутила я, а он, насвистывая «лучший город земли» и размахивая полотенцем, как видно, в отменном настроении, направился в сторону умывальника.

Скорее рассчитаться и отвязаться, наконец, от приставучего парня. И что ему от меня надо? Ведь явно ищет повод со мною встретиться. Вчера, когда расставались, я настойчиво пыталась вернуть долг, но он только отмахнулся, мол, сдачи нет, давай завтра. А я, размазня, сразу сдалась: «Завтра, так завтра».

Пришлось быстренько свернуться и покинуть качели. Надо торопиться. А то по дороге в столовую, как пить дать,

опять наткнешься на вездесущего Димку.

Но вместо него я встретила Аленку с заспанным, но добрым лицом.

– За кормом? – пошутила она.

– Нет, мы за завтраком пошли, – ответила за меня Ира.

– Ой, извините. Конечно, за завтраком... – почему-то сильно стесняясь ее, поправилась Алена.

– На пляж придете?

– Наверное. Только мы с родителями, – предупредила я, сама не знаю – зачем.

– У вас классные предки. С ними хоть на край света.

Пляж «Кораблик» оказался нетипичным. Здесь совсем не было песка. Только камни у воды и вытоптанная лужайка. Для приличия я какое-то время поторчала подле своих, а потом перекинулась к друзьям. Вся группа была в сборе.

Ребята устроились на уже знакомом мне надувном матрасе. Вернее, на нем валялись девчонки, а мальчишки просто сидели на траве. Рядом располагался пляжный грибок, обширная солнцезащитная шляпка которого была сколочена из треугольных лоскутов фанеры. Привязанный к перекладине и развевающийся на ветру яркий Динин пояс от сарафана и раскинутые прямо на крыше зонта треники кого-то из парней указывали многочисленным отдыхающим на то, что дефицитное место уже забито этой дружной компанией. Алена прокомментировала выбор позиции так: «Если

вдруг кому-нибудь поплохеет, можно будет сразу в тень свалить». Кому может «поплохеть», я приблизительно догадывалась. Но сегодня, по-моему, тепловой удар не грозил никому. Небо менялось очень динамично. На солнце без конца напозлали темно-серые рваные облака. Только-только расслабишься, скинешь футболку и настроишься позагорать, как солнышко опять прячется за тучу. И становится весьма уютно. Еще и северный ветер впридачу пронизывает насквозь – приходится скорее напяливать майку обратно, но она почему-то не греет: все равно синеешь, покрываешься мурашками, а волосы на коже рефлекторно встают дыбом.

Я лежала на спине, уставившись в небо, и мысленно подгоняла облака. Но они меня не слушались. Уберешься ты, наконец, неторопливая тучка, похожая на вытянутую кошку? Уйди поскорее и открой миру тепло. За кошкой маячит большой массив чистого синего неба. Но облако предательски меняло форму, вытягиваясь еще сильнее, и становилось больше похожим на безухого хорька. И, казалось, замирало на месте. Лишь только хвост хорька, смещаясь в совершенно непредсказуемом направлении, оставлял, наконец, в покое светило – тень следующего причудливого зверя уже стояла на очереди.

Я в который раз разочарованно натягивала одежду, когда прискакала Ирка. Гонiec протягивал мне мамину вязаную кофту.

– Поля, мама сказала, чтобы ты оделась. Потому что у те-

бя ангина была. И велела тебе не купаться. А мы пошли уже. Папа сказал: «Что за удовольствие – сопли морозить?» – запыхавшись, вывалила она скороговоркой.

– Сама одевайся, сейчас вон уже солнце выйдет, – отмахнулась я, но кофту взяла.

Ира удивленно окинула себя взглядом.

– Я и так одета. – Она и вправду была в колготках и в теплом байковом халате, застегнутом на все пуговицы. – Мне мама не разрешила даже колготы снимать, вот!

И опять солнце в небе засияло во всю мощь. Как только оно показывалось и начинало припекать, сразу забывалась и ангина, и недавние мурашки по телу, а мамина кофта оказывалась совершенно лишней. Тут же возникало беззастенчивое желание развязать лямки купальника на шее и спине и загорать – загорать до одури, а временами даже проскакивала безрассудная мысль: «Может, все-таки сплавать? Ну, хотя бы недалеко...».

– О! Опять вышло. Пользуйтесь моментом, девчонки, – призывала Алена.

И девчонки, по ее примеру, вновь скидывали сарафаны, майки, трико, теплые толстовки, готовясь получить блаженство от приема кратковременных солнечных ванн. Из съезжившихся сморчков мы в мгновение ока превращались в прекрасных нимф в бикини. Глядя на эти метаморфозы восторженными глазами, Ирина что-то там покумекала своей кудрявой головкой, глазки блеснули от внезапного откры-

тия, и она глубокомысленно изрекла:

– Вот что я сейчас скажу! Вам троим хорошо бы сейчас шубинные маечки и шубинные трусики поиметь, чтобы так часто не переодеваться.

Хохотали до слез, представляя себя в скорняжных изделиях. Молодые люди не стали исключением, и тоже от души смеялись над детской непосредственностью.

– Ой, Ир. Иди уже, а? – просила я, в бессилии сгибаясь пополам и держась за живот.

– Полина, ну что ты ее гонишь? Она такая славная, – пожалел ребенка Костя и восторженно похвалил: – А умненькая какая!

У меня зарделись щеки от гордости за сестру.

– Да. Потешная девчонка, – вдумчиво согласился Дима.

Но Димин комплимент вовсе не понравился сестре.

– Потешные это – клоуны, а я сообразительная, – парировала она. – А еще мама говорила, я беспроблемная. Вот!

Дима слегка опешил от ее бойкости...

– Пардон, малышка. Не хотел тебя обидеть. А ты, Полина, правда, лучше бы оделась. Ветер холодный, а ты все-таки после болезни. Шубинная маечка и шубинные трусики тебе бы сейчас точно не помешали, – закончил он шуткой, но в голосе присутствовала неподдельная тревога.

С языка в который раз был готов сорваться вопрос: «С какой радости такая забота о людях?». А Димки уже и след простыл. Мальчишки убежали купаться.

Я чувствовала на себе взгляды девушек: Динин, полный лютой ненависти, и недоуменный Аленкин.

– Хорошо, Полине нельзя, а нам с тобой, может, и стоит разок окунуться, а, Динок? – нарочито бодро спросила Алена, видно, с целью разрядить обстановку и охладить гнев подруги.

Но получилось еще хуже.

– А мне, можно подумать, можно! – взвилась нежная Дина. – У меня, между прочим, внутричерепное давление. Это не то, что какая-то банальная ангина. Носитесь с НЕЙ тут все.

«С ней» – это, видимо, со мной. Ну, не с ангиной же?

– Зря ты, Дин. Смотри, вон и Муха тебя зовет.

Димка оживленно махал обеими руками и что-то кричал, подпрыгивая на воде, как мячик. Хотя, чего он хотел конкретно и звал ли кого-то вообще – издалека понять было сложно.

– Ладно, я сплаваю, а вы пока тут погрейтесь за меня, – поднялась с места Алена, окинув меня взглядом одновременно виноватым и сочувственным, да вдобавок содержащим предостережение, словно говоря: «Прости, Полина, но здесь я тебе не помощник. Ты уж как-нибудь сама... Да смотри, будь с ней поосторожней».

Сначала рядом было тихо. Я решила, что Дина вполне себе успокоилась, и тут же о ней забыла. На меня напала ме-

ланхолия. Конец лета уже не за горами. Сегодняшний день выдался показательным. Вроде, август еще в самом разгаре, даже народ вон, всю купается, но признаки приближения сентября уже налицо. Небо с холодной синевой, резкий ветер и даже запах от травы не такой, как прежде. Пахнет чем-то прелым, осенним. Неужели все позади? И дневное пекло, и душные вечера, и ночные ливни? Кажется, я задремала, пригревшись и прикрыв ноги от назойливых мух маминой кофтой. Меня сразу стало заносить в сторону от реальности. «По осени ведь тоже хорошо, – сладко думалось мне, – особенно в Кувшинке. В сентябре туда поеду и обязательно где-нибудь на берегу встречу Алексея».

На этой благодатной волне меня и застала врасплох Дина. Все это время она, видимо, старательно обдумывала, чего бы такого обидного мне наговорить, и теперь бесцеремонно вторглась в мои светлые грезы. Вот коза!

– Ты губу-то закатай обратно.

– Ты о чем, Дин? – мирно спросила я, пока плохо сообщая.

– Только не делай вид, что не въезжаешь. Я о Димке. Знай, у нас с ним уже давно все схвачено.

– Мне до него нет дела.

– Да уж! Слыхали мы твою байку о неземной любви... и как тебя любимый кинул – тоже слышали. Порядочных девчонок, между прочим, парни не бросают! Если ты без памяти от своего Ромео, какого черта тогда чужим женихам глаз-

ки строишь?

Стараясь оставаться сдержанной и корректной, я решила для себя: «Ни за что не поддамся на провокацию!». В конце концов, у меня богатый опыт с общения с теми же Минервой и Раисой, которые могут устроить скандал на пустом месте. Но Дина про мой опыт ничего не знала. Я молчала, обдумывая ответ, и намеренно затягивая паузу.

– Что, крыть нечем? Перебежчица! – она была вне себя от ярости, даже нос побелел. – Мне про тебя все ясно. Ленка, поди, уже наболтала, что Димка из состоятельной семьи. Что у них квартира в центре, и дача, и машина, и деньги, и шмотки. Вот ты сразу на него и запала.

Мне стало противно.

– Не кричи. Тебе не кажется, что ты сама болтаешь много лишнего. Послушай меня. У меня действительно есть любимый человек. Не уверена, что ты до конца понимаешь, о чем я говорю. У вас же все по-другому. Схвачено, деньги, шмотки... Давай договоримся. Я обещаю тебе до конца сезона ни при каких обстоятельствах не контактировать с компанией, когда вы там. Ты и твой Дима. Вот верну ему сегодня его дурацкий долг, и точка! Но и вы вместе со своим Димой оставьте, пожалуйста, меня в покое.

– Нужна ты нам больно, брошенка, – не смогла обойтись без хамства Дина.

Но по растерянной ее физиономии я поняла: она проиграла.

...Так и прошла эта последняя неделя отдыха – то вспыхивая яркими моментами, а то словно замирая в скучном однообразии сменяющих друг друга, не очень погожих августовских дней. Иногда дождь лил с утра до вечера, тогда мы втроем, Алена, Костя и я, уединялись где-нибудь на отшибе, чаще всего в «Шахматной» беседке, и там банально резались в карты, пристрастившись к игре в «Тысячу». Вообще-то, я не большой любитель карт, но Костя с Аленой махом меня обработали, объяснив нехитрые правила и буквально силой втянули меня в процесс, убеждая наперебой, что ничего интересней и интеллектуальней игры в «Тыщу» быть не может. Поначалу я все же сопротивлялась, в памяти крепко засел один показательный случай, рассказанный как-то старшей сестрой Светы Поповой – студенткой Ольгой, будто однажды из-за этой самой «тыщи» у них полгруппы завалило сессию! Но под напором одержимой пары этих карточных «аферистов» сдалась. И попер азарт! Проигравшему грозил всего лишь легкий щелбан, но чаще других выигрывающий Костя, видимо для остроты момента, весело стращал соперниц: «Продула? Ну, держись. Счас я кому-то в лоб закатаю!». После нас в павильоне тихих игр на шахматном столе оставались целые простыни вырванных из тетради двойных листов с подсчетами очков. Записи велись по очереди каждым из участников игры моей красной ручкой, в которой уже вот-вот должна была закончиться паста. Но мне ни капли не бы-

ло жаль чернил, ведь для себя я уже твердо решила: писать письма Алексею лучше дома, а не в крошечной комнатке, где все твои действия, как на ладони. Этим надо заниматься в спокойной обстановке, без свидетелей и шпионов, в роли которых в нынешних условиях невольно оказались мои родители и сестра. Ощущения потерянного времени у меня не возникало, ведь в ненастную погоду делать на базе было действительно нечего. И потом: мы же не увлекались, как Ольгины студенты-двоечники, играя весь день и ночь напролет, – так, часа три-четыре, не больше...

Как только с неба переставало капать, мы спешили на то самое знаменитое место, отмеченное экзотическими валунами и таинственной Высшей Силой. Почему-то нас всех троих неизменно тянуло туда. Я по-прежнему с удовольствием слушала рассказы бывалых туристов; сама же в основном помалкивала. В принципе, меня устраивало такое незатейливое проведение досуга. На душе было не то чтобы легко, а как-то спокойно-безразлично. О Диме с Диной я старалась не вспоминать. Кстати, мне до самого отъезда без труда удалось так ни разу и не пересечься с этой неприятной парочкой. Они просто не показывались нам на глаза, видимо, избегая общения со старыми друзьями только из-за меня. Алена даже предположила: «Димка-то с Динкой, похоже, от нас навсегда отбились. Ну и флаг им в руки». Причем бросила она это без всякого сожаления.

Но накануне этого почти недельного отчуждения у меня

все-таки состоялась встреча с Димой: вечером того же дня, когда я поцапалась на пляже с Динкой. Как и договаривались, я явилась к нему домой в строго назначенное время с целью отдать искомые пятьдесят копеек. Меня явно ждали. Димка стоял на крыльце и залихватски курил. Голову он точно вымыл перед самым моим приходом. Волосы были еще влажными и источали горьковатый запах ромашки. Он широко улыбнулся и распахнул дверь.

– Привет. Заходи.

– Нет. Вот деньги. Я пошла.

– Ты что, меня боишься? Ну, на минуточку, – он почти умолял.

– Не боюсь. Просто не понимаю – зачем? Как думаешь, зачем мне лишние неприятности?

– Неприятностей не будет. Я гарантирую.

Не зря Алена говорила, что Димка мертвого уговорит. Я зашла. Любопытство взяло верх над благоразумием. Зайду на минуточку, может, жилище подскажет, что за человек этот Дима. Обстановке я удивилась. В комнате было все разбросанно. Повсюду валялись детские вещи и игрушки.

– Извини, не успел убрать. Брат вечно бордель устроит.

– У тебя есть брат?!

– Да. Родители на старости лет совсем сдурели. Мало им было проблем со мной одним.

– А сколько ему?

– Салага. Три года только исполнилась.

– А как зовут?

– Ян. Родители и тут выпендрились. Я ведь их как людей просил, давайте Серегой или Лехой назовем. Нет, надо все по-своему сделать, – ворчал Дима, но я улавливала теплые нотки в его голосе.

«А ведь он любит своих родителей и брата», – сделала я открытие. Получается, ничто человеческое ему не чуждо. Может, не так уж и плох парень?

– А где они сейчас?

– Они в это время на площадку детскую ходят. Яна выгуливать перед сном. Садись. Компот хочешь? С обеда остался. Щербет бери, не стесняйся. Любишь?

– Ага. Особенно с фундуком. – Я почти освоилась.

От шмата в форме параллелепипеда Димка отхватил большой кусок аппетитного щербета с крупными орехами, поставил блюдо на стол, расчистил мне место на стуле, сбросив на пол какие-то мелкие детали детского конструктора и пластмассовые кегли, и еще раз извинился:

– Черт. Повсюду брата заначки. Прошу прощения. Гоняю его, гоняю. Все без толку. Мелкий еще...

– Ничего. Я привыкла.

– Ну да. У тебя ведь сестренка. Тоже, видать, как все раскидает...

– Нет... У нас норки.

– Норки?!

– Ага. Я так обычно игрушечные залежи называю. У Ир-

ки удивительная способность засовывать свои вещи в совершенно неожиданные места. То в моем письменном столе обнаруживаются ее лоскуточки-тряпочки, пупсики и прочая канитель, то в папином ящике для инструментов сестра устроит зоопарк из плюшевых зверей. Однажды она умудрилась свить кукольное гнездо в духовке. Может, знаешь, печка такая есть, «Мечта» называется.

– Ага, знаю.

– Мы вообще-то редко ей пользуемся. А тут маме приспичило. Она пытается пирог в духовку запихнуть, а он туда и не лезет даже. Поскольку все противни заняты под жилплощадь для Иркиных кукол. Ведь она там целую трехуровневую квартиру им устроила со всеми удобствами.

– Норки... Надо же. Смешно, – сказал парень, но при этом даже не улыбнулся.

Уж не знаю, в честь моего прихода, или просто так совпало, но сегодня он сменил свою вечную майку с Команданте Эрнесто, на новую. Правда, все того же черного цвета. Зато на груди теперь красовался ярко-огненный профиль благородного индейца. «Чингачгук – Большой Змей» – безошибочно определила я. Этот факт почему-то меня сильно умилил: ведь я и сама поклонница мудрого и храброго героя. И пусть хозяин футболки выглядит в ней слегка по-детски, но что плохого в том, что отличительным символом на свою одежду парень выбрал именно Чингачгука? Между прочим, у легендарного индейского воина имеется еще масса поло-

жительных качеств: к примеру, он добр и справедлив, а еще его уважают друзья и боятся враги...

«Оказывается, на своей территории Димка абсолютно другой, совсем простой, спокойный, без всяких закидонов», – радовалась я. Да, видно, рано радовалась. Вдруг лицо его стало напряженным и бледным, и без всякого перехода он признался:

– А тебе идет красный купальник. Я как с пляжа вернулся, весь день только и делаю, что тебя представляю. В красном купальнике и на каблуках. Нет. Я с ума сойду от тебя!

– Дурак ненормальный! – в сердцах выкрикнула я и бросилась к двери.

– Точно, дурак. Язык мой враг. Опять не те слова подобрал, – взялся за лоб Димка. – Никак не найду, как с тобой обращаться. Прости... Полина, ну, пожалуйста. Не уходи. Какой же я кретин...

– Да пошел ты!

Я была раскалена и оскорблена до предела. Вот уж точно – большой змей! Коварный, хитрый, скользкий змей, который опять запросто обвел меня вокруг пальца. А так безобидно все начиналось. Приятное, ни к чему не обязывающее, дружеское общение. Щербет, братишка, сестренка... Усыпил мою бдительность, паразит, а сам со своими пошлыми фантазиями!

Я хлопнула дверь и выбежала на улицу, оставив юношу наедине с его бесплотными мечтаниями. Возвращаться до-

мой в таком разъяренном виде с пламенеющим лицом было бы глупо: пришлось завернуть на берег, чтобы хоть немного остудиться. Я уселась на свободную скамейку, скрытую от глаз густыми зарослями шиповника, в стороне от излюбленного маршрута отдыхающих, непременно прогуливающих после ужина, и, оказавшись в полном одиночестве, надолго задумалась... В какой-то момент мне стало немного жаль странного парня. Ведь ждал меня с намытой головой. Может, и правда не знает, как себя вести? Не обучен. Ну, где же тогда логика? С Диной своей он общается, судя по всему, давно, раз у них там давно все «схвачено». Конечно, удобно, когда своя «баба» под боком: видать, ему так сподручнее претворять в жизнь его эротические фантазии. Вот пусть бы и любовался своей Диной. «И флаг ему в руки», как сказала бы Алена. Подруга, бедная, из кожи лезет, чтобы усладить его, Димкин, взор, а он... Чего еще, дураку, надо? Вон, и красится она броско, и одевается просто роскошно, в отличие от меня и Алены. Еще и переодевается по двадцать раз на дню. К примеру, с утра в столовой я видела ее в стильных бархатных бриджиках, а на пляж девушка явилась в сарафане из полупрозрачного шелка. Ткань струилась и обвивала ее фигуру, как обвивает тончайшее полотно античную скульптуру. На мой взгляд, было очень даже красиво.

Обида на Димку постепенно таяла. Мне вдруг захотелось такой же сарафан, и непременно – чтобы Алексей увидел меня в нем. Интересно, вот если бы он признался мне, что хо-

чет видеть меня в купальнике и на каблуках, я бы оскорбилась? Я попробовала представить себя Лешиными глазами в том самом экстравагантном виде, от которого снесло крышу у грешника-Димки, и нашла, что ничего пошлого в этом нет. Еще бы только купальник поновей, а не мой выгоревший, лаковые туфельки и помадой подкрасить губы. Я даже ясно увидела, как восхищенно вспыхнули глаза Алексея. Ему бы тоже понравилось. «Тоже! – резко оборвала я себя. – Я не должна сравнивать Алексея ни с кем! Никогда!!!»

Все, что связано с моим любимым, должно быть свято и неприкосновенно.

Расставались без слез. В полной уверенности, что на будущий год встретимся вновь, на нашей базе. Обменивались адресами. В эйфории клялись, что будем писать друг другу чуть ли не каждый день.

– Я реально буду скучать. В следующий раз хватай своего друга в охапку, и к нам! – возбужденно тараторила Алена.

– Правда, Полина. Нам надежные парни в команде нужны. Ведь на будущий год планируем по Тунгуске сплавиться... – вторил ей Костя.

С Аленой я расцеловалась. Костя крепко пожал мне руку. Рассаживались по разным автобусам. Один шел в аэропорт, другой на вокзал.

– Дан приказ ему на запад, ей в другую сторону... – шутливо пропел мне вслед Костя, но в глазах его мелькнула

грусть.

Дима и Дина тактично стояли в сторонке. Ждали, видно, когда я запрыгну в автобус, чтобы без посторонних свидетелей распрощаться со старыми друзьями. Димка не поднимал глаз. А Дина не удержалась и зыркнула на меня злыми зелеными глазами. Я не стала им мешать, последний раз махнула рукой Алене и Косте и влезла в ПАЗик вслед за своими родителями, почему-то споткнувшись о ступеньку – с устройства, что ли?

В глазах чуть-чуть защипало. Вот еще! Договорились же, что следующим летом непременно увидимся. Я прошла в конец автобуса и уселась где-то там, в хвосте, намеренно выбрав противоположный ряд сидений, так, чтобы больше не видеть площадки с провожающими.

Все! На сегодня мне достаточно сцен прощания.

Нам предстояло лететь одним рейсом вместе с Димой и Диной. А я и забыла, что мы из одного города. Что ж, придется потерпеть их еще. Впрочем, зря я напрягалась: вместе этих двоих, как привычную неразлучную пару, я больше не видела. Каждый из них в самолете воссоединился со своими родными, а их семьи оказались в разных концах салона. Между собой молодые люди не общались, будто никогда не были знакомы.

Лайнер приземлился. В окошко иллюминатора я видела, как по трапу сбегает Димка, держащий на руках спящего

толстого мальчишку в шапке с балаболкой, а сзади с неподъемными сумками спускаются его родители. Он не оглянулся. Ну и ладно. Больше, похоже, мы никогда не увидимся. У Димки все устаканится. Дина успокоится, перестанет злиться. Потом они поженятся, будут жить долго и счастливо и умрут в один день. А я про них очень скоро забуду. Я вдруг испытала двоякое чувство. Вроде бы, с одной стороны облегчение, что никого теперь больше не раздражаю, а с другой – сожаление, разочарование и даже чувство вины. Мне все казалось, что мы могли неплохо дружить с Димой и даже с Диной, если бы познакомились поближе. Возможно, если бы я была чуть откровенней и рассказала им об Алексее, все бы было по-другому.

Но пути Господни неисповедимы. Зернышко веры, которое однажды в меня заронила Генриетта в то, что в жизни ничего не бывает случайного: ни случайных встреч, ни случайных знакомств, проросло еще больше. Дело в том, что мы встретились с Димкой. И произошло это довольно скоро. Спустя всего каких-то четыре месяца после нашего отъезда с базы. Но об этом несколько позже.

А пока мне предстояло настроить себя на школу, ведь у порога уже маячил «День знаний». Этой осенью я и мои ровесники отправлялась первый раз в последний класс...

...«Когда это было?»

Когда это было?

Во сне? Наяву? – плыла над моим ухом заводная мелодия, и в голове крутились до боли знакомые слова, —

Во сне, наяву

По волне моей памяти я поплыву»...

Сквозь дрему я слышала песню, но упорно продолжала цепляться за сон и качаться на сладких волнах утреннего забвения.

– Полина, вставай!

Я открыла один глаз и увидела Ирку, скачущую передо мной в жеваной пижаме с включенным переносным магнитофоном. Причем, моим! Вообще-то, доступ к нему сестре был строго воспрещен.

– Какого черта? Сделай потише! – раздирая второй глаз, я с трудом выбиралась из блаженных пут.

– Вставай! Сегодня же первое сентября! Тебе в школу, ты забыла? А я тоже сегодня первый раз после отпуска в садик иду! – хвастливо сообщила шепутная девчонка.

– Поздравляю, безумно за тебя рада, – я натянула на голову одеяло. – Все. Отстань. Будильник еще не звенел.

– Ну и что! Сегодня особенный день. Все люди должны вставать раньше будильника.

Боже, за что ты наказал меня такой беспокойной сестрой! Ира, в отличие от меня, была жаворонком. Накануне ответ-

ственных событий она всегда подсакивала ни свет, ни заря и поднимала на уши весь дом. Размышляя о повадках моей сестры, я полностью пришла в себя.

Да, пожалуй, она права, сегодня особый день. Впервые за последнее время я подумала об этом с подъемом. После переклички все мои тревоги улеглись. Будто там, на площадке перед школой, прошла генеральная репетиция первого учебного дня. Все было, как всегда. Никаких глобальных перемен. Класс не расформировали. Ученики никуда не делись. Учителя все те же. Закрепленный за нашим 9 «Б» родной кабинет остался прежним. Только панели из скучного серого цвета перекрасили в приятный светло-бежевый, да табличку на двери поменяли на 10 «Б». Теперь меня и моих товарищей распирала гордость при взгляде на нее. Выпускной класс – не баран начихал!

По пути я завернула в детский сад, сбагрила Ирку воспитательнице вместе с огромным букетом, который утром мне навязала мама. Терпеть не могу гладиолусы. По причине того, что они зацветают на исходе лета, когда все хорошее уже позади. А еще своей яркой напыщенностью гигантские колосья лишний раз напоминают, что вот-вот наступит сомнительный праздник – «Первое сентября».

Теперь уже налегке – в портфеле лежала лишь одна тетрадка – я, не спеша, направилась к цели. По дороге я почему-то очень волновалась, но еще больше гордилась собой, сознавая важность момента. Впрочем, для ученицы выпуск-

ного класса такое возбужденное состояние вполне объяснимо. Но, чем ближе я подходила к школе, тем сильнее колотилось сердце и пылали щеки. А уши горели так, будто я совершила что-то преступное. Мне подумалось: «Наверное, они сейчас под цвет комсомольского значка, что пламенеет на моем белом парадном фартуке». Быстренько перебрав в уме все свои последние деяния, я пришла к выводу – не грешна. Разве что отдала Ириной воспитательнице букет, предназначенный для классной? Так это ж благо! Вера Ивановна всегда нам говорит: «Ребята, милые, вы меня опять цветами завалили. Хоть цветочный магазин открывай. Понимаете, мне их ставить некуда. Приходится выбрасывать. Всегда плачу и выбрасываю, плачу и выбрасываю».

Стоп... здесь, как видно, дело не в цветах! И тут меня озарило: «Есть контакт! Это Леша! Это он провожает меня первый раз в последний класс». Просто начался сеанс невидимой связи с ним, и у меня опять возникло то необычное состояние, которое уже посещало меня не раз. Спасибо, родной, что ты помнишь, какой у меня сегодня ответственный день.

«Вот и стали мы на год взрослей...», – лились из рупора слова очень старой и очень доброй песни, когда мы, отвыкшие за три месяца от какого-либо порядка, бестолково пытались построиться на линейке во дворе школы. Мне бросилось в глаза, что учителя все будто сжались за лето. Верно,

оттого, что многие парни и некоторые девчонки переросли их на целую голову. Молодые люди надели настоящие взрослые костюмы, сменив короткие курточки, в которых раньше смотрелись подстреленными воробьями, на модные пиджаки. Девчонки в одночасье превратились в видных красоток. Все поголовно с модными стрижками и покрашенными ресницами. Некоторые сегодня имели смелость одеться не по уставу, и не на каждой можно было увидеть привычную коричневую форму. К примеру, моя подруга Соня вырядилась в шерстяное платье приятного горчичного цвета, а поверх – кокетливый гипюровый фартучек, совсем короткий, отчего вообще не походила на школьницу, а скорее тянула на пухленькую официантку из дорогого ресторана. Однако вели себя ученики и ученицы выпускных классов слишком беспечно для взрослых людей. Задние щипали передних, или строили рожки, или дергали за гигантские банты тех, которым было, куда их навязать или прицепить. Мои одноклассники, с их простоватыми лицами, с обезьяньими ужимками и легкомысленными заигрываниями показались мне сущими детьми. Про себя я точно знала, меня не касается их глупая возня. Наблюдая за сомнительными, с точки зрения прогресса, изменениями в поведении некоторых сверстников и подмечая разные детали в их внешности, я напряженно пыталась все переварить. Вдруг сзади подошла моя первая учительница и взяла меня за плечи.

– Как ты повзрослела! – изумленно воскликнула Варвара

Никаноровна и всплеснула руками.

С давних-давних пор все ласково называли ее «бабушкой». Уж лет пять, как старая учительница не работала, все болела и еле ходила с тросточкой. Но Первое сентября и Последний звонок оставались для нее святыми датами.

– Ой, здравствуйте!

– А я давно тебя заметила, но поначалу совершенно не узнала. Ведь всех узнала: и Сережу Сизикова, и Свету Попову, и Колю, и Танюшу, и Сонечку Розенталь, а тебя вот нет... Думаю, что за новенькая в 10 «Б» появилась? Не по годам девушка серьезна. А уж неприступна! Стоит, не шелохнется, не улыбнется. Вся в себе. А это, оказывается, моя Полина!

– Милая Варвара Никаноровна! Как я рада вас видеть! Нет, я не неприступная. Я просто немножко задумалась.

Мы обнялись. Сухонькое, хрупкое тельце дрогнуло. Сердце мое сжалось. Как она постарела!

– Нет, Полина. Я не случайно к тебе подошла. Ты изменилась, милая, сильно изменилась. И взгляд стал иным. Ты выросла, детка!

– А я? А я? А я? – раздавались со всех сторон жизнерадостные выкрики шепутных моих товарищей. Налетели, как стая птенцов. Им бы все дурачиться!

– Ну, конечно, дорогие мои! Вы стали совсем большими. Но к концу учебного года вы еще больше подрастаете и расцветаете, – обещала «бабушка» и сетовала: – А я вот, дети, к сожалению, теперь уж только вниз расту.

Она грустно улыбнулась. Но великовозрастные дети ее печали не заметили. Как только объявили, что всем пора расходиться по кабинетам, они шумной гурьбой ломанулись в класс и чуть не снесли по пути свою седенькую, легкую, как пушинку, первую учительницу. Да и нынешнюю классную руководительницу чудом не зашибли. Женщину внушительного роста и крупной кости.

Праздничная линейка закончилась.

Глава 6. Славная осень...

Осень выдалась на редкость теплой. Без нудных затяжных дождей, слякоти, и сырости. И только запах жженных листьев во дворе школы напоминал, что лето давно кончилось. Настоящая пушкинская осень! Или некрасовская? У меня почему-то нынче чаще выстреливал стих Некрасова из школьной программы. И, когда я бывала на улице, мне все время хотелось цитировать: «Славная осень! Здоровый, ядреный воздух усталые силы бодрит»...

Первая четверть в выпускном классе шла ни шатко, ни валко. Видно, непомерная нагрузка, которой так пугали нас учителя, еще только предстояла. Поэтому нам без особого напряжения и ущерба для учебы удалось несколько раз выбраться на природу. Так уж повелось, что этой осенью мы по очереди посещали дачи одноклассников. У кого они, естественно, были.

В один из выходных съездили к Светке Поповой. Родители расщедрились и даже отпустили меня с ночевкой, потому что с нами была совершеннолетняя Светкина сестра – Ольга. Девушка исключительно положительной репутации и здравого смысла.

Еще в сентябре дело было. Хорошо! Днем температура, как в июне – плюс двадцать. Еды с собой набрали воз: стол просто ломился от щедрых даров осени. Каждый вывалил на

него все, что нашлось дома в закромах. Здесь была и вареная молодая картошечка, политая постным маслом; и целые горы свежих помидоров самых диковинных сортов; и заготовки на зиму с лечо, с «заморской» баклажанной икрой и маринованными маслятами; и янтарные кисло-сладкие ранетки, а еще – огромные подсолнухи, размером с солнце. Ночевать тепло. Даже печку топить не надо. Хотя, кажется, там и печки-то никакой не было. Дачка оказалась так себе. Сильно запущенный огород и плохонький дом. Зато на самом берегу. А берег высокий, обрывистый. С любой точки участка открывался потрясающий вид на реку. Мы так и просидели на участке, не выходя за ограду, любуясь осенними пейзажами и мечтая о светлом будущем.

– Когда я вырасту, – заявила Света, – я возвращу здесь сад своей мечты.

– Не знаю, обрадую ли я тебя, или огорчу, сестренка, но ты уже давно выросла, – не сильно церемонилась со Светиными мечтами ее старшая сестра. – Так что бери-ка ты, Светик, лопату да приступай к исполнению заветной мечты. Возвращивай свой садик на здоровье... Но для начала, моя дорогая, не плохо хотя бы огородец перекопать.

– Оля, как же ты приземлено мыслишь! У меня вообще не будет никакого огорода. Я посажу здесь редкие деревья. И живая изгородь у меня будет из лиственниц с пушистыми иголочками. Вместо вашей дурацкой сетки «рабица». А вот здесь вот... у меня будут лилии расти. Обожаю лилии.

– Еще скажи, лужайка вместо грядок будет, как у английской королевы?

– Да, именно – лужайка.

– Ну, прямо сады Челси. А жрать, стесняюсь спросить, что ты зимой будешь, садовница? – не совсем педагогично спрашивала Оля.

– Фу! Какая проза! Причем здесь – жрать? Это будет кусочек рая. Со своим прудиком и фонтанчиком. Ни у кого не будет такого сада! А ты – грядки, грядки...

Колька предложил нам всем коллективно отгадать, кем он мечтает стать. Условия конкурса были следующими. Коля должен был усиленно изображать специфичные моменты избранной им специальности, а на проблески наших догадок отвечать односложно «да» или «нет». Зацепив тонкую ниточку одной из версий, можно было последовательно выйти на след единственно правильного ответа, и разгадать загадку.

Серьезная девушка Оля, известный специалист по разбиению чужих мечт, окинув взглядом рослого парнягу, опять вмешалась:

– Коля, ты прямо как Светка моя: «Когда я вырасту...», – передразнила она. – Да... Поздновато что-то ты, Николай, с мечтой определился.

Колька слыл известным мастером пантомим и импровизаций, поэтому мы без труда отгадали, что дело его каким-то образом связано с космосом. Замедленно и хаотично перемещаясь по огороду, он явно изображал невесомость. Его

вроде бы корезило, но как-то очень плавно. Версий в связи с этим появилось много, среди коих самой популярной была, естественно, профессия космонавта. Однако не тот Колька был человек, чтобы так выкамаривать перед нами ради, в общем-то, стандартной мечты. Поэтому имели место другие варианты. К примеру, испытатель скафандров, или водитель лунохода, или даже собака Белка, и из той же оперы – Стрелка. Но на все наши лепые и нелепые предположения мим отрицательно мотал головой. Мы измучились от догадок, неумной энергии затейника и собственного беспрерывного смеха, но раскусить фокус не могли.

– Как же вы стандартно мыслите, друзья! – разочарованно сказал Коля, когда кто-то из публики, забывшись, уже в двадцатый раз выкрикнул, осененный внезапной догадкой: «Я знаю! Космонавт! Космонавт!».

– Ну, нет же! Не то. Не космонавт, а вовсе наоборот. Я хочу стать астронавтом.

– Тише ты. Диссидент здесь выискался, – пугливо оглянулась по сторонам Ольга, самая старшая и самая осторожная в нашей компании. – Они нашу олимпиаду бойкотировали, а он! Сумасшедший, думай, что говоришь!

...Это невероятно, но Колькина мечта частично сбылась. Нет, он, конечно, не стал астронавтом, но стал гражданином Америки. И живет наш Коля теперь в городе Цинциннати, что в штате Огайо, и шпарит по-английски, будто жил в Но-

вом Свете с самого рождения. И я у него была, мед, пиво пила... А тогда, на Светкиной даче, он шутил или просто хулиганил, чтобы нас повеселить...

А Соня мечтала о большой овчарке.

А я? Я закрыла глаза и представила. Оказывается, я мечтаю только об одном. Когда-нибудь увидеть Лешу. Ну, хоть один разок! Хотя бы издалека.

Через пару недель мы навестили еще одну «вотчину». Так балагур Колька окрестил огород своей бабки. Поездка оказалась вовсе не загородной, поскольку участок размещался в черте города. Добираться туда было совсем не сложно. Вышли на конечной трамвая и подались пешком вдоль длинной тополевой аллеи, которая служила лесозащитной полосой, заслоняя сады от пыли и городского шума. Пока брели, наткнулись на грибы сугубо городского происхождения. Раньше я о таких и не слыхивала. Коля поведал нам, что это подтопольники, и они вполне съедобные. Раз съедобные, надо брать! Мы кинулись рвать грибы, выворачивая ножки вместе с корнями, так как ножика с собой ни у кого не оказалось. Но подтопольников была такая прорва, что собирать их нам очень быстро наскучило. Ведь собирать грибы интересно, когда их искать надо. А так...

– Ну, вы и куркули! – удивлялись Соня и Света Попова, видимо, сравнивая свои скромные шесть соток с Колькиной вотчиной. И верно, огород показался мне бескрайним. Плюс

многочисленные теплички, сараюшки и погребок, на крышке которого висела масса разнокалиберных замков. Хозяин, весьма довольный нашей реакцией, беспардонно хвастался:

– У нас тут все прет, как на дрожжах. По пятьсот банок на зиму закручиваем! Вот такие помидоры! А редиска по весне? Вы когда-нибудь видели редиску размером с мандарин?

– Все ясно, – вдумчиво сказал Сережа Сизиков, поправляя очки, – радиация. Промзона-то рядом. Такая близость к заводу химконцентратов, доложу вам, друзья, даром не проходит...

– Да иди ты! – удивленно ахнула пухлая Верочка, до сих пор радостно-вкусно обнюхивающая крепкий гриб.

Она перестала раздувать ноздри, недоуменно скосила глаза на большую коричневатую шляпку, однако с набранным добром расставаться не пожелала и быстро засунула добычу себе в пакет...

И опять было довольно тепло. Даже налетающий моментами опасный осенний ветерок не мог заставить меня надеть ветровку и берет. Колька тащил нас на озеро. Он с сожалением сообщил, что водоем теперь – сплошная помойка, а ведь когда-то там даже раки водились. Однако сполоснуться можно. Идея казалась безумной. Кто купается в октябре? И ведь полезли! Конечно, только мальчишки. А мы пока на бережку жарили на палочках колбасу, сало и резиновые грибы. Потом все с аппетитом уминали подобие шашлыков и заедали по-

трясающими солеными помидорами из погребка Колькиной бабки. Сонька уставилась на меня, как на камикадзе, когда я решила отведать экзотических подтопольников: видимо, она одна все еще находилась под впечатлением от известия о близкой радиации.

– Хочешь загнуться? Тогда хоть записку напиши: «В моей смерти прошу никого не винить».

– А мне вкусно!

Мне действительно было вкусно, и вообще очень светло и спокойно. Охаянное Николаем озеро показалось мне даже живописным. Окруженное частой березовой рощей, оно будто лежало в чаше золотых деревьев. Листопад уже начался и прикрыл озерные берега. Вода была темная-темная и чуть-чуть морщижилась от ветра. Кстати, особой помойки я не заметила. Слой шуршащей листвы равномерно усеял землю и скрыл следы дикого обращения человека с природой.

Мне нравились наши поездки. Природа и грусть, грусть и природа – вот мое неизменное состояние той осенью. Я все время прислушивалась к себе. Вроде, и хорошо, что душа уже не болит и не мечется. Но от того, видно, и грустно.

Пришел ноябрь, а зима и не думала наступать. Шестого числа, в предпраздничный день, мы уже не учились. «Наконец-то отосплюсь», – еще накануне твердо решила я. С вечера даже предупредила сестренку: «Только попробуй, разбуди – убью!» – и показала ей внушительный кулак. Ира про-

никлась и сказала, что пойдет играть к маме в спальню, если что. Вот и славно. Теперь покой мне обеспечен. Не тут-то было. Вдруг звонок с самого утра. Это Соня:

– Приветик. Ты спишь что ли?

– А ты как думаешь? Половина восьмого только! Поспишь с вами со всеми, – справедливо ворчала я.

– Тут такое дело. На самом деле я тоже не сумасшедшая вставать в такую рань. Я уже спать вчера ложилась, и вечер, вроде, не предвещал ничего неожиданного, вдруг звонит Генриетта.

– Да что ты?! – мигом проснулась я. – Что-то случилось?

– Нет, нет. Не пугайся. Все в порядке. У нее просьба. Она хочет, чтобы мы с тобой съездили к ней на дачу в Кувшинку. В последний раз, когда она там была, свои розы на зиму укрывала, умудрилась очки для чтения забыть. Ты можешь представить Генриетту без очков для чтения?

– Нет, пожалуй. Впрочем, я не знаю, – нервно отвечала я, теребя шнур от телефона.

Меня начало сильно лихорадить от волнения:

– Она точно нас двоих просила? Или ты сочиняешь?

– Ты что?! Она так и сказала. «У вас же, – говорит, – с Полиной, ножки молодые, быстрые. Люсю, дескать, как-то неудобно просить. Ей и так на работе достается. Пусть хоть в праздники отдыхает. Да и дачный сезон твоя мать уж давно закрыла. А вы, как быстрые ласточки, слетаете туда да обратно. Побудете на природе в свое удовольствие. А потом,

после дачи, – сразу ко мне!»». Ну, к ней, то есть... Чуешь, Полинка, чем пахнет? Пирогом с палтусом. Бабуля нас с тобой персонально к себе в гости приглашает. Аккурат на Седьмое Ноября.

В голове у меня щелкнуло:

– Подожди. Так сегодня еще только шестое. Если ласточками туда, обратно, и на седьмое пригласила, почему ты мне с утра названиваешь сегодня?

– Я тут вот что, Полина, надумала. Если нам сейчас быстренько одноклассников обзвонить, собрать теплую компанию да мотнуть в Кувшинку с ночевкой.

При вторичном упоминании Кувшинки я вздрогнула во второй раз.

– Ты всю ночь, что ли, думала, мать?

– Именно. Всю ночь.

– А тетя Люся? Ей оно надо? Сама говоришь, дачный сезон уже закрыли. Порядок, наверное, там навели идеальный.

– Ой, Полина, какая ты скучная. Как закрыли, так и откроем. Теплынь вон на дворе какая. Грех не попользоваться. На девять на электричку уже не успеваем. Думаю, часов на двенадцать надо ехать. Как считаешь?

– Ну, Сонька! Авантюристка ты у меня. Ладно. Пошла у родителей отпрашиваться.

На мое удивление, родные отпустили меня легко. Папа лишь спросил, картавя и лукаво щурясь, как дедушка Ленин:

– А как же демонстрация трудящихся?

– У нас теперь это дело добровольное!

– Неужели? А мне казалось, для вас, старшеклассников, добровольно-принудительное?

– Пап, но это же не праздная поездка на пикник. У нас миссия. Должен же кто-то старушке помочь?

– Ладно, тимуровцы, поезжайте. Дело и вправду благородное.

– Пусть едет. Уроки да тренировки. Вздохнуть девчонке некогда. Воздухом хоть подышит, пока погода стоит, – дала добро на поездку и мама.

– Только куртку теплую надень. В лесу-то, поди, прохладно?

– А новую можно? Только, наверное, в ней жарко будет.

– Ничего, жар костей не ломит.

...Новая японская куртка досталась мне, можно сказать, в лотерею. Хотя у мамы на телеграфе это почему-то громко называлось распределением по профсоюзной линии. На весь коллектив периодически выделялась одна добротная импортная вещь. Обычно дележ происходил так: в шапку бросались бумажки, в большинстве своем девственно чистые, и лишь на одной писалось наименование вожаемого дефицита. Тут уж как кому фортуна улыбнется! Участники жеребьевки с замиранием сердца тянули свернутые бумажки, и счастливчик становился обладателем качественной шмотки. Разыгрывалось все. Китайские фабричные носовые

платки, финские пуховики, чехословацкие туфли, польские джинсы, ГДР-овские детские коляски. Однажды Ирке достались невероятно уютные дутые сапожки небесно-голубого цвета с искусственным мехом внутри, австрийского производства. Жаль, что сестра их так и не поносила. Распределение происходило глубокой зимой, когда в нашем регионе все дети поголовно носят валенки. Мама, вытянув непустую бумажку, от счастья даже не заметила, что обувь придется ее дочери только-только, схватила добычу и – домой. К приходу весны нога ребенка еще подросла, и сапоги на нашу Золушку уже не лезли. Так вот и упустили тогда Синюю птицу дефицита.

На папином заводе было несколько иначе. Предприятие считалось самым весомым в городе, как сейчас бы определили – градообразующим. Штат был велик, потому и удача работникам выпадала реже. Зато игра велась по-крупному. Можно было заполучить импортный кухонный гарнитур, или ковер, или швейную машинку, или сервиз столовой посуды «Мадонна» и даже – автомобиль! На одну сотрудницу пенсионного возраста из папиного цеха свалилось нежданное счастье. Она выиграла подержанный японский автомобиль, марку которого, коверкающую язык, никто не мог назвать правильно, да, собственно, она особо никого и не интересовала. И теперь женщина не знала, что ей с этим счастьем делать. О трофейной машине ходили легенды. Будто руль у нее с другой стороны, и на скорости больше ста километров

в салоне начинают звенеть колокольчики, предупреждая водителя: «Внимание, превышена скорость! Опасно!!». Если открыта дверь, то приятный женский голос обязательно напомнит вам об этом. Правда, на японском. А окна открываются сами, стоит лишь нажать на кнопочку. И не надо даже крутить ручку на дверце. Чудеса!

Так вот. О куртке. Она была просто сказочной! Спортивного покроя, скомбинированная из двух тканей. Яркое, необычное для наших серых улиц, сочетание цветов, лимонного и коричневого. С отстегивающимся капюшоном, с меховым воротничком, на стильной молнии из желтой пластмассы, с большими накладными карманами, отделанными кожаной бейкой. А главное, к подкладке был пристрочен настоящий лейбл, а «по-русски» говоря – чекуха, на которой золотыми буквами значилось: «Made in Japan»...

В этой вещи я чувствовала себя королевой. Прихватив немного денег на электричку, минимум нехитрой еды и термос с горячим чаем, я отправилась на вокзал.

Веселой гурьбою мы ввалились в электричку. Одноклассников набралось ни много, ни мало – девять человек. Все были радостно возбуждены. Я в новой куртке и тоже в приподнятом настроении. Завтра праздник. Потом – каникулы. Приятная поездка за город. Отличная погода. Нам было так здорово, что мы не могли не петь. Горланили под гитару, что прихватил с собой Ромка. Он у нас очень талантливый. Ко-

гда Рома неожиданно ударил по струнам и заголосил на весь вагон:

*«Эх, загу-загу, загулял, загулял,
Парнишка, да парень молодой,
В красной эх рубашоночке,
Хорошенький такой»*,

– друзья подхватили куплет и спели так задорно, так слаженно, будто накануне состоялась генеральная репетиция нашего самодеятельного ансамбля. Мы не стеснялись редких пассажиров. А чего стесняться, если душа поет? Попутчики сперва оторопели от неожиданности и от небывалого напора кипучей молодой энергии и слегка засмутились, но скоро тоже освоились. Я наблюдала за бравой пожилой парой дачников в брезентовых штормовках, которые в такт нашей песне притоптывали, хлопали себя ладошками по коленкам и чуть ли не готовы были сорваться в пляс.

Только мне уже как-то не очень пелось и плясалось. Чем стремительнее поезд приближался к цели, тем большее волнение охватывало меня. Когда за окнами промелькнула Седая Заимка, я уже не в состоянии была ни петь, ни рисовать... Меня больше не трогало всеобщее веселье: я затаилась, и теперь с невероятным трепетом ожидала только одного – бесценной встречи с Кувшинкой. Сейчас она свершится! Оказывается, подсознательно я весь период с июля по ноябрь только о ней и мечтала. Нас ведь всегда тянет на старые

места. Это закон. И все, что было с тобой ТОГДА, возносит до небес то самое место, где происходили значимые для тебя события. Другое дело, что место не всегда встречает нас столь же приветливо, как прежде. Но я не теряла надежды...

В поселке сразу бросилось в глаза, что от некогда пышной растительности в огородах и палисадниках ничего не осталось. Теперь дачные участки соседей просматривались насквозь. Границы межевания, обычно обозначенные кустами малины или смородины, стали совсем прозрачными. А вот трава еще оставалась по-летнему плотной и зеленой.

...Дом уже дремал, настроившись на долгую зиму. Наверное, и не предполагал, бедный, впадая в спячку, что сюда до весны еще кто-то явится. А тут целая орда молодежи завалилась! Шумная, веселая, безбашенная. Первое, что мы сделали – пооткрывали наглухо замурованные на зиму ставни и распахнули настежь окна. Всем нам было очень душно.

– Мама просила печку хорошенько протопить. У нас за зиму почему-то всегда подушки отсыревают. Как вы думаете, стоит? – советовалась с гостями юная хозяйка.

– Да ну нафиг! Жарища. Угорим! – орали все наперебой. Я, следуя за Соней, привычно вскарабкалась на второй этаж и застолбила свою родную кровать. Наверху было довольно холодно, непривычно темно из-за плотно зашторенного окна, и действительно сильно пахло сыростью. Зато отдельное спальное место, буду спать, как барыня, с комфор-

том.

Остальная группа разместилась внизу. Решили, что мальчишки лягут на полу, на широком двуспальном матрасе. Им на троих досталось два неподъемных ватных одеяла. А девчонки, хотя по объему и не самые миниатюрные, на разобранном диване как-нибудь уместятся вчетвером. Подушек на всех не хватило. Зато спящим на диване полагались одна единица шерстяного одеяла, одна стеганного, и впридачу был выдан шерстяной плед. Девчатам можно было не беспокоиться. Такому количеству тел, да под такой уймой одеял никакой холод был нипочем.

Худо-бедно разобрались со спальными местами, хаотично побросали вещи и в нетерпении выскочили на воздух.

– Скажите, друзья, кто-нибудь из вас помнит, чтобы шестого ноября можно было вот так запросто сидеть на земле? – удивлялась Дарина, девушка отчаянная и с упрямым нравом, расстилая свое пальтишко на пяточке сохранившейся лужайки и усаживаясь на него сверху.

– До чего тепло! Совсем как летом.

– Не говори. В прошлом-то году мороз в это время был градусов двенадцать. Помните, на демонстрацию в шубах да в валенках народ повалил? – припомнил Роман.

Он бахнулся рядом с подругой, ничего под себя не подстелив. Блаженно растянулся, забросил за голову руки и стал шуриться на солнце, как мартовский кот.

– Я бы все-таки не советовала вам валяться на сырой зем-

ле. Коварная штука – поздняя осень, – переживала за них Соня.

Но вскоре и сама оказалась рядом, присев на низенькую скамеечку. Я вспомнила, что в хозяйстве Розенталь этот крошечный табурет смешно зовется «коровьим стульчиком». Правда, когда Соня растолковала мне, откуда растут ножки у этого названия, я по ошибке пару раз назвала его «доильным». Оказывается, на похожем стульчике молочница тетя Поля всегда доила корову. Впоследствии я и сама оценила достоинства коровьего стульчика: с ним было гораздо легче управляться при прополке на огороде. Очень удобная вещь. Не надо ползать по грядкам, и уж точно не натрешь себе колени.

Одноклассники оживленно делились воспоминаниями о дне шестого ноября прошлого года и не переставали удивляться чудесам погоды.

– Я в тот день варежки потеряла, – с запоздалым сожалением призналась Таня. – Назавтра с утра на демонстрацию, а у меня любимые варежки куда-то пропали.

Николай тоже диву давался:

– Неужели уже год прошел? Как сейчас помню этот день. Полдня пыхтел, надрывался, шары надувая. Наутро собрался на демонстрацию, только вышел за порог, бах-бах – и не осталось больше шариков. Полопались, окаянные, все до единого на морозе, – по вытянутой Колиной физиономии было заметно, что ему до сих пор жалко прошлогодних

праздничных шаров.

– Шары были бракованные. Факт, – прокомментировал событие давно минувших дней Профессор Сизиков.

Выходит, тогда уже стояла глубокая зима! А сейчас плюс шестнадцать. Просто аномальная жара! Мне очень хотелось думать, что природа преподнесла сюрприз именно мне. Ведь это у меня сегодня праздник. Наконец-то я здесь, в святой святых, моей любимой Кувшинке. Меня тянуло на речку. Все представлялась залитая солнцем поляна, краешек пляжа и река, переливчато-живая от блесков на воде. Даже звуки, накрепко врезавшиеся в память, мерещились: и шорох деревьев, и голоса людей, и жужжание насекомых, и одиночные хлопки по мячу. Как бы я хотела, чтобы все это опять повторилось. Но торопить друзей почему-то не хотелось. Все должно идти своим чередом.

Вместо променада Соня пригласила меня заняться делом:

– Эй, Полина, хватит летать в облаках. Ты не забыла, случаем, какова основная цель нашей поездки?

– Печку, что ли, протопить? – вынырнула на миг я из плена сладких воспоминаний.

– Какую, к лешему, печку? Генриетта что нас с тобой просила сделать?

Вот я дубина! Как я могла забыть о главном?

– Сонь, может, завтра к ней ходим? На берег очень хочется.

– Нет, сегодня, – безжалостно отрезала Сонька, – лично я

не намерена в праздник париться.

– Хорошо. Сходим к фее, но потом сразу на речку. Договорились?

– Сделаем дело, а там видно будет.

Мы объявили друзьям, чтобы нас пока не теряли, и отправились выполнять поручение Генриетты Мирославовны.

В отличие от своих ближайших соседей, старуха дом на зиму не консервировала. Запор на дверях веранды был весьма условный. У Колькиной бабки погреб и тот надежней заперт. Мне припомнилось с десятков таких же замочков, которые гроздьями висели на его крышке. Ставни фея не закрывала по причине того, что их просто не было.

Мы легко отомкнули единственный замок, вошли и хором воскликнули:

– Как светло!

Нет, не напрасно Светлейшая носит свою фамилию. Не приемлет она серых интерьеров. Когда я летом бывала у нее в гостях, мне нравились большие, чисто вымытые окна, в которые почти беспрепятственно лился широкий поток света. Но летом черемуха слегка затеняла комнату. Теперь, когда дерево полностью облетело, его изящные извилистые ветви никак не могли загораживать солнце и свет.

В центре стола, на самом видном месте, располагалась горка консервов, аккуратно прикрытых белоснежным полотенчиком, и лежала записка, написанная толстым фломасте-

ром. В ней хозяйка обращалась к непрошеным гостям: «Уважаемые, пожалуйста, угощайтесь. Только большая просьба личные вещи не трогать. Я очень пожилой человек. И ничего ценного не имею». В доме было тепло, сухо и пахло жилым, будто хозяйка находилась где-то рядом. Казалось, она отлучилась на минутку и скоро вернется.

– Вечно приходится маме доказывать: «На кой ляд мы ставни на зиму закрываем? Сами себе проблемы создаем», – рассеянно сказала Соня.

– А что такое?

– Да потом весь май, как дураки, постели сушим. Представляешь, прием с продуктами-то работает. Старуху ведь ни разу серьезно не обворовывали. Сожрут консервы да и свалят.

– А вас что, грабили?

– Нас-то? Уже сто раз! Потом, после жулья, в доме все вверх дном перевернуто. Нет, нам во всем следует пример с Генриетты брать. Мудрая она.

– Я бы тоже не стала ничего закупоривать, – высказала я свою точку зрения и мечтательно промолвила: – Когда у меня будет свой дом, там будут большие окна и белые стены.

– И у меня, – весело согласилась со мной Соня и с размаху плюхнулась на хозяйскую кровать, зарываясь в подушечные горы. – А еще у меня будет такая же уйма подушек!

– Эй! Ты чего хулиганишь?! Весь будуар Генриетте помяла.

– Ой! Ой! Ой! Какие мы стали правильные! Я, может, всю жизнь мечтала тут, на мягких феиных перинах поваляться.

– Что ж раньше не валялась?

– Воспитание, видишь ли, не позволяло.

– Как же ты со своим воспитанием будешь в отсутствии хозяйки по ее вещам шарить? Может, она тебе хоть ориентир какой-то дала, где очки ее искать?

– Не-а. Она сказала, что сама не помнит, куда засунула. Футляр-то домой привезла, будучи в полной уверенности, что они внутри, а он пуст оказался.

– По логике, где-то в тумбочке должны быть.

Я выдвинула верхний ящичек. Ничего, кроме клетчатого носового платка, простенькой заколки и наполовину выдавленного тюбика с мазью. «Облегчает боль в суставах и пояснице», – прочитала я. Надо захватить. Вдруг бабуля впопыхах и мазь тоже забыла? Должно быть, в городе сгодится. Я открыла дверцу и сразу увидела, что искала. Плоские очки были вложены в книгу «Справочник по лекарственным травам».

– Сонь! Я нашла! – закричала я. – Смотри, здесь какая-то фотография.

Краем глаза я успела лишь заметить, что фото групповое, на нем много-много мелких лиц, но детали рассмотреть не успела: моя нетерпеливая подруга резко выхватила у меня карточку и стала вертеть в руках.

– А... Она у нее, видно, вместо закладки. «Кувшинка.

Июль 1980 года. Юбилей Светлейшей Г. М.», – прочла Соня на обороте.

– Постой! Так это же почти свежая фотка! А вот и я, как живая! Блин, кажется, я здесь не очень получилась. Неужели у меня такие руки полные, к тому же все какими-то буграми. Ведь изначально не хотела этот дурацкий сарафан надевать. Эх! Все-таки надо было то голубое платье с воланами...

Я, игнорируя Сонькины стенанья, вызванные разочарованием от нефотогеничной внешности, дрожащими руками перехватила фотографию. «Господи! Неужели?! Когда это было, когда это было во сне, наяву...», – сразу закрутилась в голове пластинка. Знала бы ты, Соня, как взметнулась моя душа! Ведь на черно-белой глянцевой бумаге был запечатлен, пожалуй, самый счастливый момент моей жизни. Впрочем, все лица без исключения, здесь выглядели, какими-то просветленными. Кажется, на этом мимолетном кадре, вырванном из жизни и зафиксированном на пленку, все участники события были счастливы.

В центре, естественно, Светлейшая. Улыбается милой и слегка покровительственной улыбкой. Глядит, вроде, прямо в объектив, но ощущение, будто она всех накрыла своим заботливым крылом. Даже не сведущему человеку ясно, что главной здесь является эта интеллигентная, добрейшая, пожилая дама, а ни кто другой. Позади феи – Людмила Ивановна. Положила руки на плечи виновнице торжества и не просто улыбается, а от души хохочет. Вот рядом Соня. Ру-

ки как руки! Даже вполне красивые. И сама она необычайно привлекательная, загорелая, и тоже вся светится от счастья. Пашка присел на корточки, повернулся вполоборота, скосил глаза, и с чем-то веселым обращается к Соне. А где же Федор? Неужели закутился со своей музыкой и не попал в кадр? Да нет же, вот он! Пристроился сбоку. Улыбка сдержанная, а вскинутая рука поправляет непослушный чуб. Две тетушки замерли в одинаковой и стандартной для них позе – руки в боки. Кстати, на фотографии женщины получились гораздо лучше, чем в жизни. Вполне симпатичные, чуть хмельные, при этом свои в доску, разбитные бабенки. Все-таки, как красит людей хорошее настроение!

Мой цепкий взгляд, естественно, сразу ухватил главное на фото. Но я даже боялась туда посмотреть. Дрожали руки и все внутри. Плевать, насколько удачно я вышла, главное, что мы стоим рядом. Что-то мистическое было в том, как мы получились. Не заметить прочной связующей нити между нами было невозможно. Дело в том, что мы с Алексеем смотрелись как одно целое!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.